

The map illustrates the strategic situation around Voronezh during the Battle of Voronezh in 1942. Key features include:

- Geographical Labels:** Cities like Voronezh, Belgorod, and various smaller towns and villages are marked.
- Military Units:** Various units are labeled, including "Группа Армия 'Б'" (Army Group B), "40 А", "38 А", "60 А", "2 А", "3 А", "4 А", "5 А", "6 А", "7 А", "8 А", "9 А", "10 А", "11 А", "12 А", "13 А", "14 А", "15 А", "16 А", "17 А", "18 А", "19 А", "20 А", "21 А", "22 А", "23 А", "24 А", "25 А", "26 А", "27 А", "28 А", "29 А", "30 А", "31 А", "32 А", "33 А", "34 А", "35 А", "36 А", "37 А", "38 А", "39 А", "40 А", "41 А", "42 А", "43 А", "44 А", "45 А", "46 А", "47 А", "48 А", "49 А", "50 А", "51 А", "52 А", "53 А", "54 А", "55 А", "56 А", "57 А", "58 А", "59 А", "60 А", "61 А", "62 А", "63 А", "64 А", "65 А", "66 А", "67 А", "68 А", "69 А", "70 А", "71 А", "72 А", "73 А", "74 А", "75 А", "76 А", "77 А", "78 А", "79 А", "80 А", "81 А", "82 А", "83 А", "84 А", "85 А", "86 А", "87 А", "88 А", "89 А", "90 А", "91 А", "92 А", "93 А", "94 А", "95 А", "96 А", "97 А", "98 А", "99 А", "100 А", "101 А", "102 А", "103 А", "104 А", "105 А", "106 А", "107 А", "108 А", "109 А", "110 А", "111 А", "112 А", "113 А", "114 А", "115 А", "116 А", "117 А", "118 А", "119 А", "120 А", "121 А", "122 А", "123 А", "124 А", "125 А", "126 А", "127 А", "128 А", "129 А", "130 А", "131 А", "132 А", "133 А", "134 А", "135 А", "136 А", "137 А", "138 А", "139 А", "140 А", "141 А", "142 А", "143 А", "144 А", "145 А", "146 А", "147 А", "148 А", "149 А", "150 А", "151 А", "152 А", "153 А", "154 А", "155 А", "156 А", "157 А", "158 А", "159 А", "160 А", "161 А", "162 А", "163 А", "164 А", "165 А", "166 А", "167 А", "168 А", "169 А", "170 А", "171 А", "172 А", "173 А", "174 А", "175 А", "176 А", "177 А", "178 А", "179 А", "180 А", "181 А", "182 А", "183 А", "184 А", "185 А", "186 А", "187 А", "188 А", "189 А", "190 А", "191 А", "192 А", "193 А", "194 А", "195 А", "196 А", "197 А", "198 А", "199 А", "200 А", "201 А", "202 А", "203 А", "204 А", "205 А", "206 А", "207 А", "208 А", "209 А", "210 А", "211 А", "212 А", "213 А", "214 А", "215 А", "216 А", "217 А", "218 А", "219 А", "220 А", "221 А", "222 А", "223 А", "224 А", "225 А", "226 А", "227 А", "228 А", "229 А", "230 А", "231 А", "232 А", "233 А", "234 А", "235 А", "236 А", "237 А", "238 А", "239 А", "240 А", "241 А", "242 А", "243 А", "244 А", "245 А", "246 А", "247 А", "248 А", "249 А", "250 А", "251 А", "252 А", "253 А", "254 А", "255 А", "256 А", "257 А", "258 А", "259 А", "260 А", "261 А", "262 А", "263 А", "264 А", "265 А", "266 А", "267 А", "268 А", "269 А", "270 А", "271 А", "272 А", "273 А", "274 А", "275 А", "276 А", "277 А", "278 А", "279 А", "280 А", "281 А", "282 А", "283 А", "284 А", "285 А", "286 А", "287 А", "288 А", "289 А", "290 А", "291 А", "292 А", "293 А", "294 А", "295 А", "296 А", "297 А", "298 А", "299 А", "300 А", "301 А", "302 А", "303 А", "304 А", "305 А", "306 А", "307 А", "308 А", "309 А", "310 А", "311 А", "312 А", "313 А", "314 А", "315 А", "316 А", "317 А", "318 А", "319 А", "320 А", "321 А", "322 А", "323 А", "324 А", "325 А", "326 А", "327 А", "328 А", "329 А", "330 А", "331 А", "332 А", "333 А", "334 А", "335 А", "336 А", "337 А", "338 А", "339 А", "340 А", "341 А", "342 А", "343 А", "344 А", "345 А", "346 А", "347 А", "348 А", "349 А", "350 А", "351 А", "352 А", "353 А", "354 А", "355 А", "356 А", "357 А", "358 А", "359 А", "360 А", "361 А", "362 А", "363 А", "364 А", "365 А", "366 А", "367 А", "368 А", "369 А", "370 А", "371 А", "372 А", "373 А", "374 А", "375 А", "376 А", "377 А", "378 А", "379 А", "380 А", "381 А", "382 А", "383 А", "384 А", "385 А", "386 А", "387 А", "388 А", "389 А", "390 А", "391 А", "392 А", "393 А", "394 А", "395 А", "396 А", "397 А", "398 А", "399 А", "400 А", "401 А", "402 А", "403 А", "404 А", "405 А", "406 А", "407 А", "408 А", "409 А", "410 А", "411 А", "412 А", "413 А", "414 А", "415 А", "416 А", "417 А", "418 А", "419 А", "420 А", "421 А", "422 А", "423 А", "424 А", "425 А", "426 А", "427 А", "428 А", "429 А", "430 А", "431 А", "432 А", "433 А", "434 А", "435 А", "436 А", "437 А", "438 А", "439 А", "440 А", "441 А", "442 А", "443 А", "444 А", "445 А", "446 А", "447 А", "448 А", "449 А", "450 А", "451 А", "452 А", "453 А", "454 А", "455 А", "456 А", "457 А", "458 А", "459 А", "460 А", "461 А", "462 А", "463 А", "464 А", "465 А", "466 А", "467 А", "468 А", "469 А", "470 А", "471 А", "472 А", "473 А", "474 А", "475 А", "476 А", "477 А", "478 А", "479 А", "480 А", "481 А", "482 А", "483 А", "484 А", "485 А", "486 А", "487 А", "488 А", "489 А", "490 А", "491 А", "492 А", "493 А", "494 А", "495 А", "496 А", "497 А", "498 А", "499 А", "500 А", "501 А", "502 А", "503 А", "504 А", "505 А", "506 А", "507 А", "508 А", "509 А", "510 А", "511 А", "512 А", "513 А", "514 А", "515 А", "516 А", "517 А", "518 А", "519 А", "520 А", "521 А", "522 А", "523 А", "524 А", "525 А", "526 А", "527 А", "528 А", "529 А", "530 А", "531 А", "532 А", "533 А", "534 А", "535 А", "536 А", "537 А", "538 А", "539 А", "540 А", "541 А", "542 А", "543 А", "544 А", "545 А", "546 А", "547 А", "548 А", "549 А", "550 А", "551 А", "552 А", "553 А", "554 А", "555 А", "556 А", "557 А", "558 А", "559 А", "560 А", "561 А", "562 А", "563 А", "564 А", "565 А", "566 А", "567 А", "568 А", "569 А", "570 А", "571 А", "572 А", "573 А", "574 А", "575 А", "576 А", "577 А", "578 А", "579 А", "580 А", "581 А", "582 А", "583 А", "584 А", "585 А", "586 А", "587 А", "588 А", "589 А", "590 А", "591 А", "592 А", "593 А", "594 А", "595 А", "596 А", "597 А", "598 А", "599 А", "600 А", "601 А", "602 А", "603 А", "604 А", "605 А", "606 А", "607 А", "608 А", "609 А", "610 А", "611 А", "612 А", "613 А", "614 А", "615 А", "616 А", "617 А", "618 А", "619 А", "620 А", "621 А", "622 А", "623 А", "624 А", "625 А", "626 А", "627 А", "628 А", "629 А", "630 А", "631 А", "632 А", "633 А", "634 А", "635 А", "636 А", "637 А", "638 А", "639 А", "640 А", "641 А", "642 А", "643 А", "644 А", "645 А", "646 А", "647 А", "648 А", "649 А", "650 А", "651 А", "652 А", "653 А", "654 А", "655 А", "656 А", "657 А", "658 А", "659 А", "660 А", "661 А", "662 А", "663 А", "664 А", "665 А", "666 А", "

Авторы проекта: директор ГКОУ РО «Пролетарская школа-интернат» Е. В. Грачева, заместитель директора по воспитательной работе Р. М. Калиниченко, старшая вожатая И. П. Войнова, воспитатель Л. В. Куцева, учитель О. М. Мендель, учащиеся школы-интерната.

**Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память – наша совесть.
Она, как сила, нам нужна...**

Юрий Воронов

*75-й годовщине Победы советского
народа в Великой Отечественной
войне 1941-1945 гг., детям войны,
труженикам тыла, малолетним
узникам, защитникам Родины, всем,
кто ковал солнце Великой Победы,
посвящается...*

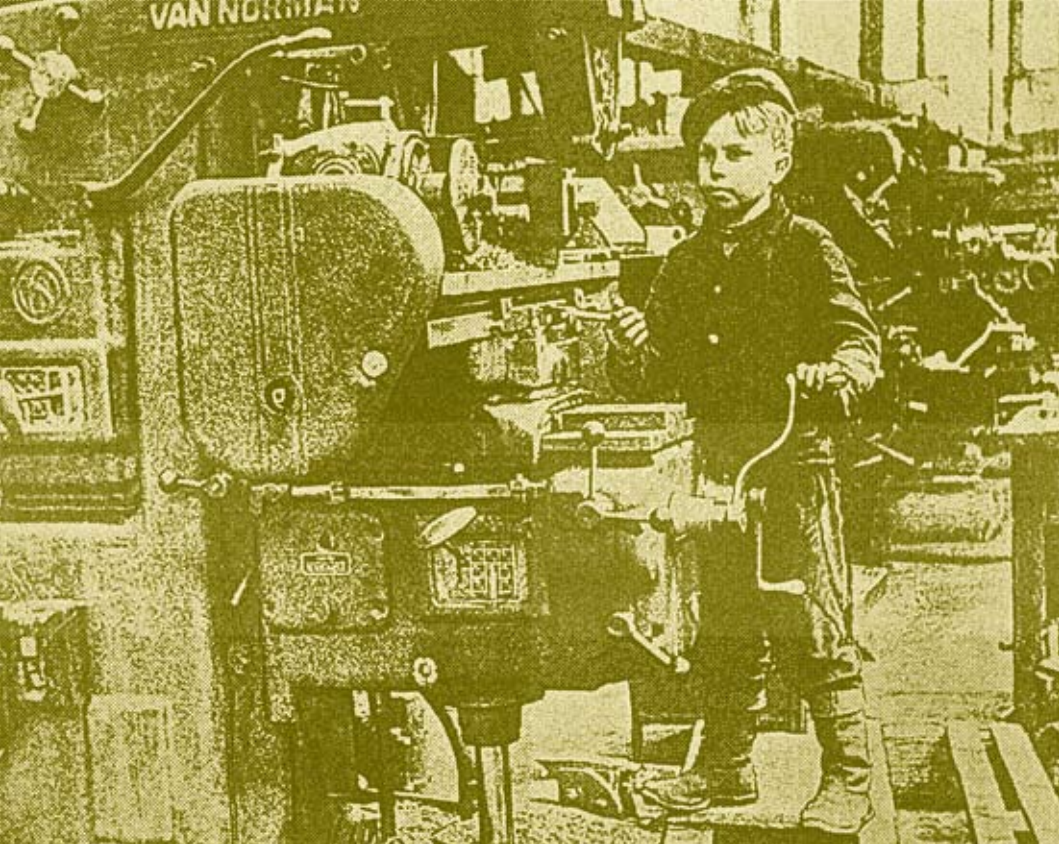
*Над проселочной дорогой
Пролетали самолеты...
Мальчуган лежит у стога,
Точно птеник желторотый.
Не успел малыш на крыльях
Разглядеть кресты паучьи.
Дали очередь – и взмыли
Вражьи летчики за тучи...*

Дмитрий Кедрин

ПОКА ПАМЯТЬ ЖИВА – И СТРАНА БУДЕТ ЖИТЬ!

В 2020 году весь мир отмечает 75 лет Великой Победы над фашизмом. Бессмертный подвиг советского народа, спасшего страну и мир от фашизма, приобретает новое историческое звучание и служит вдохновляющим патриотическим примером для молодых поколений. История пережитой народом трагедии и достигнутой победы живет сегодня с нами. Она – источник боли и горечи, гордости и славы нашего народа. Чтобы прогремели залпы победного салюта, наш народ ценой огромных потерь и беспредельного мужества выстоял и победно освободил весь мир от фашизма. И все мы с благодарностью храним память о тех, кто ценой своей жизни спас мир от фашистской чумы, подарив нам мирное небо.

Война... Как гром среди ясного неба прозвучало это слово из репродуктора. В тот далекий летний день – 22 июня 1941 года – люди занимались обычными для себя делами. Школьники готовились к выпускному вечеру. Девчонки строили шалаши и играли в «дочки-матери», непоседливые мальчишки скакали верхом на деревянных лошадках, представляя себя красноармейцами. И никто не подозревал, что и приятные хлопоты, и задорные игры, и многие жизни перечеркнет одно страшное слово – ВОЙНА. У целого поколения, рожденного до 1945 года, украли детство. Дети Великой Отечественной войны, труженики тыла, малолетние узники – так называют сегодняшних 76–90-летних людей. И дело здесь не только в дате рождения. Их воспитала война...

Тема воспоминаний о военной поре всегда вызывает большой интерес, ведь свидетельства очевидцев позволяют наиболее ярко ощутить атмосферу отдаленных по времени событий. А если о войне вспоминают дети, подростки? Их восприятие отличается от того, что чувствуют взрослые, а значит, и военные события врезались в память наиболее ярко и четко.

В ГКОУ РО «Пролетарская школа-интернат» одним из основных направлений воспитательной работы является формирование патриотизма у обучающихся. В течение 5 лет в рамках деятельности творческой группы педагогов и обучающихся реализуется проект гражданско-патриотической поисковой работы «География Великой Отечественной войны в лицах». Педагоги и обучающиеся общаются со свидетелями Великой Отечественной войны, собирают информацию о детях войны, тружениках тыла, ветеранах и малолетних узниках и записывают их непрдуманые рассказы о войне. Нам удалось собрать

и систематизировать воспоминания людей, которые жили в то время, были свидетелями тех страшных событий и рассказали правду о войне – о том, как это действительно было.

В своем послании Федеральному Собранию президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин подверг критике попытки отдельных государств и политических сил переписать историю Великой Отечественной войны. Он отметил: «Мы обязаны защитить правду о Победе. Наглому вранью мы должны противопоставить правду». Поэтому наша главная задача – сохранить подлинные сведения о Великой Отечественной войне для нынешних и грядущих поколений.

В сборнике воспоминаний освещается жизнь отдельного человека во время войны в определенном географическом месте. Вся информация и рассказы о Великой Отечественной войне записаны со слов рассказчиков без изменений и правок с целью донести до читателя самобытность и метафоричность речи свидетелей войны, диалекты и изобразительность языка.

Поколение войны уходит, но его память о пережитом должна сохраниться для потомков. Своими воспоминаниями с нами поделились жители Пролетарского района Ростовской области, которые в 1942 году находились в оккупации. Значимость этого сборника состоит в том, что он даёт возможность рассказать о военном детстве наших односельчан и сохранить воспоминания этих людей, передавая их последующим поколениям, обнажая непридуманную историю военных событий.

Мы надеемся приблизить молодое поколение к той военной эпохе, помочь сформировать верное представление современников об особой категории людей – детей, опаленных войной. Пусть народная память сохранит их немеркнущий подвиг, их неслыханные страдания, их непреклонную веру в людей и в Победу, потому что иначе нельзя современному русскому человеку жить, не помня, какой ценой была завоевана наша жизнь. Ведь помнить – значит жить!

Вот что они вспоминают...

БОРИС БОРИСОВИЧ АКИМОВ

***Родился 10 июня 1932 года в станице
Пролетарской Ростовской области.***

Война для Бориса Акимова началась 22 июня 1941 года, но не по радио узнал он о ней, а с первого дня увидел своими глазами.

«22 июня немецкие самолеты начали бомбить станицу. [Акимовы жили недалеко от вокзала. – Прим. авт.] Рев самолетов, грохот взрывов – казалось, что вся земля поднималась перед глазами. Было очень страшно. Все люди бежали кто куда, кричали, плакали. А бомбы все падали и падали.

У нас в станице еще до войны стоял кавалерийский полк, в центре была расположена столовая полка. Когда начали бомбить, было время обеда. Одна из бомб попала прямо в здание. Вот тут мы все увидели первые жертвы этой проклятой войны. Так неожиданно закончилось мое детство».

Не понимал маленький Боря еще трагического момента в истории страны – что немецко-фашистские войска напали на Советский Союз. Гитлер представлялся ему страшным животным с рогами, который убивает людей, не щадит ни стариков, ни женщин, ни детей.

Все мужчины ушли на фронт, остались одни только старики, дети и женщины. Воспоминания о тяжелых годах военного лихолетья остались у Бориса Борисовича нерадостными. В 1941 году ему было всего 9 лет, но уже с 10 лет наравне со взрослыми он управлял конем с телегой, на которой возили пшеницу. А выращивали пшеницу для Красной Армии, и приравнивалась она к стратегической продукции. Потому что тыл кормил фронт, ведь на голодный желудок сильно не повоюешь. С 11 лет Борис начал свою трудовую деятельность в колхозе имени Кирова – именно с этих пор начался его официальный трудовой стаж.

«Все ребята работали наравне со взрослыми. На подводах, запряженных быками, перевозили зерно на элеватор. В каждой подводе – по 1 тонне зерна. Собирался обоз из 10–15 подвод, и все вместе перевозили пшеницу. Руководил обозом кто-то из старших. Когда привозили зерно на элеватор, то сами его выгружали. И снова ехали за зерном в бригаду. Нас, колхозников, заставляли после уборки урожая ходить в поле и собирать колоски, которые мы тоже сдавали – все, до одно-

го зернышка – для армии. Каждый день был разным: иногда соберешь мешок колосков, а иной раз – несколько жменек, но нас всегда проверяли, чтобы никто не мог взять себе».

Борис Борисович замечает, что в тылу во время войны было еще тяжелее, чем на фронте, иногда потому, что необходимо было и работать, и кормить себя и семью.

«Все дети тогда надолго забыли вкус конфет и сладостей. Старшие вместе с родителями ходили рыть окопы, а те, кто помладше, имели свои поручения.

Я хорошо помню, как вошли в станицу немцы. К нашему дому подъехал танк, из которого вышли все танкисты. Вид у них был бравый, веселые, по локоть закатаны рукава, взгляд победителей. Они смотрели на нас, смеялись, тыкали пальцами. Потом заскочили к нам во двор, ловили курей, забирали яйца. У нас была большая собака. Когда немец залез за яйцами, собака была рядом и кинулась на него, а он ее застрелил».

Вспоминал Борис Борисович о голоде, наступившем в 1942 году, после того как оккупированный Пролетарский район остался без убранного урожая хлеба. Не раз его мама плакала от своего бессилия что-то изменить. Иногда в доме не завтракали и не обедали – нечего было. Все родители спасали своих детей, кто как мог, но многие тогда люди ослабли и не выжили.

Вот перед глазами стоит другая картина: немецкая армия отступает, и снова немцы в станице. Запряженный верблюд и бык тащат пушку. Немецкие солдаты – небритые, голодные, непонятно во что одеты, даже сразу не поймешь, что это военные. Они были злы, агрессивны, просто стреляли в людей, чтобы расчистить дорогу для техники.

Вспоминая годы оккупации, горевал Борис Борисович о тяжелых годах испытаний для всего русского народа.

«Весть о нашей победе пришла к нам не сразу – гораздо позже. Эту новость ребятам сообщил бригадир.

Сразу после войны строили мост через реку Маныч. Всем детям, которые в годы Великой Отечественной работали в

колхозах, на заводах и фабриках, со временем был присвоен статус труженика тыла».

Борис Борисович также является тружеником тыла. С 1950 по 1961 год он проходил службу в рядах Советской Армии в г. Соликамске. Имеет медали в честь 60- и 65-летия Победы и орден Дружбы народов. 20 февраля 2015 года Борису Борисовичу как труженику тыла была вручена юбилейная медаль, посвященная 70-летию Великой Победы. Его официальный трудовой стаж – 46 лет.

АННА ГРИГОРЬЕВНА КОНОНЕЦ

***Родилась 27 декабря 1938 года в деревне Мокро
Брестской области.***

«Я родилась в деревне Мокро, что была в Брестской области. Мы жили на границе с Польшей, и поэтому я 3 года училась в польской школе.

В России ещё не было войны, но у нас в деревне она началась раньше – в феврале 1940 года. Немцы вплавь через реку Бук перебрались к нам в деревню из Польши. И тут же начали зверствовать: тихо, без лишнего шума, стали вырезать людей ножами – всех, кто попадался: детей, стариков, женщин, а потом их трупы сжигали. Сожгли сельский совет, школу с детьми и учителями. Осталась лишь одна церковь.

У нас была большая семья – 10 детей. Немцы, когда вошли в деревню, на глазах у нас и мамы зарезали 5 детей – 3 брата и 2 сестры, отцу отрезали пальцы на руке, и он чудом спасся, не попав в костёр, а тела моих братьев и сестёр сожгли.

Позверствовав вволю, немцы ушли в Польшу, но через некоторое время вернулись и угнали весь скот из деревни, у нас забрали лошадь и корову. Старшая сестра схватила нас и спрятала в подвале дома. В этом подвале мы прожили примерно 2–3 месяца. Сестра украдкой приносила нам воды и еды. Потом, после ухода немцев, мы вышли, но не успели порадоваться, как была объявлена война. И всё началось сначала.

Снова пришли немцы из Польши, но уже на правах завоевателей. Теперь они были с техникой: танки, мотоциклы, автома-
ты... Теперь жителей деревни просто расстреливали, никого не

боясь. Отца сразу забрали на фронт.

Всю деревню заняли немцы, а мы ушли в лес. Стали жить в лесу. Спали – кто и где мог придумать. Однажды нашли медвежат и очень весело с ними играли, а большие медведи убегали, но недалеко, так как их дети были с нами. В лесу мы жили в постоянном страхе: с одной стороны – немцы, с другой – дикие звери. Волки нападали на нас.

Среди немцев были и те, кто не хотел воевать. Они прятались в лесу вместе с нами, помогали выжить, охраняли нас, когда мы ходили за ягодами и грибами. В лесу были и партизаны из Сталинской области. Их было много, они тоже нам помогали – привозили еду. В пищу шло всё подряд: медведи, дикие кабаны, зайцы... Немцы, которые жили с нами, помогали и партизанам – приносили разные сведения.

Во время войны все мы жили одним лозунгом – «Все для фронта, всё для победы!». Женщины и дети, находясь в тылу и в оккупации, делали всё возможное и невозможное. Мы, например, в лесу сами делали станки и ткали лён.

Когда закончилась война, нам сказали, что мы можем возвратиться в деревню в свои дома, у кого они остались целы. Начали хоронить солдат – в одной могиле и немцев, и наших. Документы, которые находили, отправляли родственникам. Немцы, которые жили с нами в лесу, привели нам лошадь и корову. А потом через границу отправились в Польшу и дальше в Германию».

После войны Анна Григорьевна 20 лет работала трактористкой. И несмотря на тяжёлое детство, всегда помогала людям. Она является почётным донором России.

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ УСАЧЁВ

Родился 8 февраля 1936 года в хуторе Гундоровский Орловского района Ростовской области.

«Моего отца забрали на фронт в первые дни войны. Так как он был шофёром – забрали вместе с машиной. У родителей я был один, и когда отца забрали, мы остались с мамой.

Весной 1942 года в хутор пришли немцы. Как только они пришли, сразу начали стрелять на пруду в уток и гусей из автоматов. Нашу бабушку заставили собирать тушки и разделять их. Потом немцы ходили и собирали уже распотрошенную птицу.

В хуторе были и свои полицаи – 2 человека. Они заставляли женщин работать на немцев, в 5 часов утра ходили по домам и давали указания, кто и что сегодня делает. Мы, дети, сидели дома – нам запрещено было выходить.

Немцы были разные. Первые, что приехали, нам даже конфеты раздавали. Я до сих пор помню их вкус. Мы конфет не видели тогда, поэтому брали их без опаски. Немцы говорили, что у них тоже есть дети. Но когда пришли эсэсовцы – они были в чёрной форме – сразу начался ад. Они всем нам раздавали подзатыльники направо и налево. Мы очень их боялись. Немцы были в хуторе месяца три. Одевать было нечего, мы ходили в разной обуви: один – ботинок, другой – сапог.

В нашем хуторе не было жестоких боёв. Немцы ушли быстро. Когда пришли наши, народ как-то радостнее стал, и стало сытнее. Наши раздавали детям солдатскую кашу.

Мой отец погиб под Харьковом.

С 1954 года я проживаю в Пролетарске».

ЛИДИЯ ИВАНОВНА ДЕГТЯРЕНКО

Родилась 29 января 1938 года в станице Пролетарской Ростовской области.

«У нас на начало войны было 6 детей. Мама работала, напротив дома было производство по изготовлению глиняной посуды: кувшины, ночные вазы для детей, макитры. В этом цеху зани-

мались также 2 брата и их жёны, которые работали подсобницами – сушили изделия. Глину возили с солёного озера – она была очень хорошая. Наша посуда пользовалась спросом, и не только в нашем районе, но и в Калмыкии, в поселке Орловском.

Когда началась война, отца забрали в эвакуацию в Западный Казахстан. Старшую сестру – Любовь Ивановну – направили в Тбилисскую школу связи. Когда она закончила учёбу, наши начали освобождать Северный Кавказ, и сестру направили туда. Вместе с нашими войсками она дошла до Берлина. Мою вторую сестру немцы угнали в Германию – она была в концлагере до окончания войны.

Немцы пришли к нам в 1942 году. Наш дом был на краю, поэтому немцы в нем поселились – заняли 2 большие комнаты, а нас выселили в кухню. Во дворе стояла вся немецкая техника: машины, пушка, пулемёты. Двух сестёр мама отправила на подсобное хозяйство рыбколхоза, чтобы не угнали в Германию, и нас у мамы осталось двое – я и мой брат.

Помню один случай... Немец пришёл на кухню, взял меня на руки. Мама очень испугалась – я увидела её взгляд. Немец погладил меня по голове и понёс в машину – там играл приёмник. Он достал шоколад, который я увидела, возможно, первый раз в жизни, потом мы вышли из машины, и немец отнёс меня маме. Я до сих пор чётко помню слово – «хаусе». Он объяснил маме, что у него такая же дочь в Германии.

Немцы в доме у нас всё время менялись – одни уходили, другие приходили, потому что они шли на Сталинград.

В январе 1943 года, когда освобождали станицу, во время боевых действий мы находились в подвалах. Когда немцы отступили, вокруг осталось много неразорвавшихся снарядов, они везде валялись, и ещё разбитая техника.

В 1943 году моего отца демобилизовали по состоянию здоровья, и он вернулся домой очень больным. В 1945 году моя старшая сестра пришла с войны, имея много наград и правительственных грамот от Жукова. В 1945 году также вернулась из лагеря моя средняя сестра, которая была там долгое время. Проблема пребывания сестры в лагере никогда не обсуждалась дома, даже не знаю почему.

Как встречали День Победы – совсем не помню, хотя, наверное, должна. После войны отец поправился от болезни и пошёл работать на промкомбинат, где начали вновь выпускать

гончарные изделия и черепицу. С 1945 по 1951 год он работал один, но потом ему дали помощника.

Мы жили в землянке, и нам в дом провели радиотарелку. Мой любимый герой войны был Рокоссовский.

Дети в школу не ходили, пока её не восстановили. Сначала учились в базовой школе до 4-го класса на территории школы № 3, потом учились в базарной школе на территории сегодняшнего архива (5–6-й класс), потом нас перевели в семилетку. В 1955 году я закончила техникум в г. Орджоникидзе. Имею звание ветерана труда».

АЛЕФТИНА ИВАНОВНА ПОНОМАРЁВА (ГРОМОВА)

***Родилась в 1935 году в хуторе Красный Скотовод
Пролетарского района Ростовской области.***

«Мне было 6 лет. Я хорошо помню, как началась проклятая война. Был выходной день. Отец дома играл на баяне, и вдруг по радио сказали, что началась война. Мы все долго плакали.

Отца через два дня призвали на фронт. Он был водителем. О том, что отец погиб, мы узнали из газеты «Колхозник». Согласно статье из газеты брат сделал запрос в военкомат. Вскоро пришел ответ, что Пономарёв Иван Андреевич пропал без вести, до сих пор о нём ничего не известно.

Примерно через год после начала войны к нам в хутор пришли немцы. Нашу семью сразу выселили в подвал, а в нашем доме на окнах были установлены пулемёты. Все жители спрятались в своих подвалах.

У нас была корова, которую мы прятали в степи, чтобы её не забрали немцы. Мама по ночам, чтобы никто не видел, выходила подоить её. Но однажды немцы проследили за мамой и засекли, что она ночью выходит доить корову. Нашу кормилицу сразу застрелили. Мы очень плакали, долго горевали, ведь мы фактически остались голодными.

Когда наши стали наступать, то немцы свои пулеметы разместили на крыше нашего подвала. Мама взяла нас с сестрой за руки, а брата посадила себе на плечи – ему тогда было всего 4 года. И мы под перекрестным огнем бежали в соседний хутор Николаевский-2, где жили наши дедушка и бабушка. Мы думали, что там нет немцев, но они хозяйничали и здесь. Жители хутора также жили в подвалах. Дедушка и нас спрятал в подвал.

Через несколько дней в хуторе появились двое партизан. Наш дедушка их спрятал в скирде сена в огороде. Но кто-то из хуторян увидел партизан возле нашего погреба, сообщил об этом немцам. Вскоро пришли немцы, стали обыскивать подвал и, не найдя там красноармейцев, стали пытаться заставить дедушку. Они его жестоко избивали и требовали, чтобы он показал, где находятся партизаны. Но дедушка проявил великое мужество и не выдал русских ребят. На заре, когда дедушка выходил из подвала, он потерял сознание. Мы все кинулись к нему. Картина, которую мы увидели, по сей день стоит у меня перед глазами, вызывая ужас и слезы. У входа в подвал лежали обезглавленные трупы партизан, которые прятались у нас в скирде. Отрубленные головы с открытыми глазами аккуратно лежали рядом с телами. Все вокруг было залито человеческой кровью. К горлу подкатились тошнота и слезы, а потом полная темнота – я потеряла сознание. Ночью дедушка оттащил тела в сторону, накрыл какими-то тряпками.

Но захоронить их не смог, немцы не позволили ему это сделать. Мертвые тела еще долго лежали рядом с подвалом, нагоняя ужас на всех односельчан. Тогда я слышала от взрослых, что среди наших деревенских были предатели.

Мы очень голодали, приходилось кушать сухую кукурузу, сырой картофель, чтобы как-то выжить. Немцы заставили бабушку готовить им еду. Было уже холодно, немцы приказали бабушке привести нас в дом погреться. Когда мы вошли, один фашист взял топор и занес его над нашими головами. Мы очень сильно испугались, стали плакать, а он начал громко смеяться над нами. Из кухни прибежала бабушка, упала на колени перед ним и стала просить: «Пан, не трогай, не губи их, ведь они же дети». Немец опустил топор. Бабушка благодарила его и сразу увела нас в подвал.

Через неделю немцы всех нас завели в дом и заставили ложиться спать на кроватях, а сами легли на полу. Мы не могли уснуть – очень боялись. Оказывается, что под утро в хутор заступили наши солдаты. Войдя к нам в дом, они увидели эту картину, решили, что мы все служили немцам, и хотели нас расстрелять как предателей. Но началась стрельба, нас по одному отправили в подвал до конца боя. В подвале мы про-

сидели до полного освобождения хутора от немцев. Когда закончили стрелять и освободили хутор, мы вышли из подвала.

Начали налаживать мирную жизнь. Первое, что мы увидели, – огромное количество трупов солдат, особенно русских. Трусами был устелен весь хутор. Некуда было поставить ногу. Среди мертвых мы увидели тех красноармейцев, которые хотели нас расстрелять как предателей.

Мой старший двоюродный брат, ему тогда было 12 лет, получил задание собирать у погибших документы. Он собирал документы, сушил их, ведь все они были пропитаны кровью. Потом отсылал по адресам родственникам погибших. Взрослые и мы, дети, копали могилы, хоронили наших солдат. Хоронили у всех в огородах – рыли траншеи и в них складывали уже безымянные трупы. А трупы немцев складывали отдельно на подводу, потом их куда-то увозили взрослые.

В Красном Скотоводе от нашего дома ничего не осталось. И мы остались жить в хуторе Николаевский-2. Мама построила землянку, где нам пришлось прожить долгие годы – до 1945 года, пока мы не переехали в Пролетарск.

Каждый год 9 мая я просто плачу, ничего не могу с собой поделать. Сколько нам всем пришлось пережить...

РАИСА МАКАРОВНА КАПОТА (ДУБОВЕНКО)

***Родилась в 1935 году в хуторе Наумовка
Пролетарского района Ростовской области.***

«Война, разве забудешь ее проклятую?!

Когда началась война, то многих мужчин из хутора забрали на фронт. Женщины и дети остались работать в поле. Весь скот выгнали в степь, коровы жили там постоянно, чтобы сохранить поголовье скота. Мы с родителями сеяли пшеницу и убирали. Всё зерно оставалось в колхозе. А мы очень голодали. Приходилось готовить супы, печь хлеб из лебеды, колючки и разной травы. Как мы выжили – я даже не знаю. Всю войну мы верили, что победа будет за нами.

К нам в хутор немцы пришли летом 1942 года, где-то 20–22 июля, и были до конца января 1943 года. Когда фашисты пришли, то заняли под штаб наш дом, а нас выгнали. Мы

жили в доме у старосты – Шило Кондрата Тимофеевича. Он всегда помогал детям, благодаря ему никого не расстреляли.

Когда немцы только пришли, они гнали русских пленных через хутор. Мы, дети, тайком выносили пленным еду – кто что мог. Даже оставляли на дороге, так как знали, что они еду возьмут. Я приготовила сало и хлеб, понесла пленным, а один из них толкнул меня с дороги. Я упала и очень плакала, оттого что он так поступил. Но потом поняла, что этот человек спас мне жизнь, ведь немцы бы меня расстреляли».

АЛЛА АЛЕКСАНДРОВНА МАТЕРИНА

Родилась 4 мая 1931 года в станице Пролетарской Ростовской области.

«У нас большая семья – 10 детей. Мой дедушка – казах. Когда началась война, мы жили в 45 километрах от города, на Бургустинском рыбзаводе. Все наши дома были из самана, который мы делали сами.

В августе 1942 года к нам пришли немцы, начали бомбить хутора – Будённовский, Черниговский, Харьковский. Рядом с нами на реке Маныч взорвали 2 парохода с людьми и плотину.

В 1942 году мы переехали из рыбколхоза в подсобное хозяйство. Здесь у нас было своё хозяйство и птичня. Немцы приезжали к нам на птичню, отрывали головы курицам, складывали тушки в мешки и уезжали, потом приезжали снова.

Во время освобождения, когда били «Катюши», к нам в дом вошёл русский солдат. Мы спрятались под кровать, а он нам сказал: «Ребята, вылезьте, садитесь на окно! Смотрите, как бьёт «Катюша». Если живы останетесь, то будете это помнить всю свою жизнь. Не уходите с окна, пока не закончится бой!». Мы потом два дня сидели на окне и наблюдали, как заряжают орудия, сколько патронов, видели, как собирали трупы немцев. Когда били «Катюши», было очень страшно. Наши солдаты шли к Пролетарску 6–7 дней.

В 10 лет меня забрал к себе дядя, чтобы маме было легче. Школу я не посещала вообще, я неграмотная, всё время только работали. Во время войны ели разную траву, из щавеля готовили лепёшки. Слава Богу, у нас была корова. В колхозе

работали за трудодни, какие деньги получали – нужно было отправить на фронт, на завод. Сами голодали.

Однажды я привезла молоко в х. Гундоровка на молокозавод. Выбежал оператор и начал кричать нам о том, что кончилась война. Я из нашего хутора узнала об этом первая и рассказала остальным. С 1941 по 1952 год работала на полях рыбколхоза. В 1952 году перешла на железную дорогу, была путейцем и работала там до 1986 года.

Я имею три медали, статус труженика тыла, ветерана труда».

СЕРАФИМА ИВАНОВНА СОЛОДОВНИКОВА

***Родилась 22 декабря 1935 года в станице
Пролетарской Ростовской области.***

«Война – как же её забудешь! У нас в семье было трое детей. Я очень хорошо помню, как началась война. Был обычный летний день, воскресенье. Мы с ребятами ещё с утра пошли купаться на речку Чепрак. Мы плавали и вдруг увидели какой-то самолёт, который что-то сбрасывал вниз. Я по своей наивности сначала думала, что это какие-то непонятные шары, начала их считать. Через несколько мгновений прозвучали оглушительные взрывы. Это была первая бомбёжка в моей жизни.

Мы все очень испугались, ничего не поняв, быстро оделись и бегом домой. А в это время в четвёртую школу попала зажигательная бомба. От этого зрелища стало очень страшно. Когда бомбёжка закончилась, мы впервые увидели «рамку» – так потом называли немецкий самолёт-разведчик. Придя домой, мы все узнали, что началась война.

В станице сразу развернулась эвакуация, вывоз скота: коров, лошадей, овец в республику Казахстан, для того чтобы сохранить поголовье животных. Эвакуировались все колхозы. Отца сразу забрали на войну.

Я хорошо помню, как были растеряны люди, повсюду царили паника и хаос. Тогда нам сказали, что идут немцы и надо спрятать все пионерские галстуки, комсомольские значки и партийные билеты. Моя сестра была пионеркой, она спрятала свой пионерский галстук в трёхлитровую банку, которую

закопала рядом с домом. Когда закончилась война, галстук так и не нашли.

Летом 1942 года – то ли это был июнь, то ли июль, я точно не скажу – в станицу вошли немцы – карательные отряды. Они были на мотоциклах. Их появление вызвало у нас любопытство и удивление. Во-первых, мотоциклы – такую технику никто и никогда не видел, а во-вторых, они были без рогов, о которых нам рассказывали в каких-то бумажках ещё с начала войны. Мы были уверены, что немцы – это не люди, а какие-то чудовища с рогами.

С этих пор немцы стали ходить по всем дворам и забирать молоко, яйца, кур, разных животных. В уцелевшей части 4-й школы они организовали свой госпиталь, в котором работали и наши женщины – выполняли самую грязную работу.

С лета 1942 по январь 1943 года мы жили на оккупированной немцами территории. У нас в станице было развито партизанское движение. Партизаны прятались в камышах реки Чепрак – мы все знали об этом, потому что они приходили к нам за едой. Одна женщина, которая работала при немецком госпитале, боясь за жизнь своих троих детей, предала – выдала местонахождение партизан. Все партизаны были расстреляны, их трупы ещё долго оставались лежать – немцы, чтобы запугать людей, запретили их хоронить. Так они и лежали до тех пор, пока не выгнали немцев из станицы. Но когда пришли наши, ту женщину расстреляли, не пожалев её детей».

НИНА КУЗЬМИНИЧНА БРИНДЮКОВА (КОЗАРЕНКО)

Родилась 8 марта 1931 года в г. Гуково Ростовской области.

«Семья у нас была небольшая, детей – двое. В конце августа 1941 года к нам в посёлок приехали 3 мотоцикла с немцами, вооружёнными автоматами. На лавочке сидели 3 или 4 старика, немцы подъехали к ним и остановились, что-то говорили по-своему и смеялись, а потом сели на мотоциклы и уехали. А мы, дети, подошли к старикам. Мы были удивлены тем, что так быстро немцы через границу пришли к нам.

После этого случая немцев в Гуково ещё долго не было. Мы спокойно жили до 1943 года – не было ни выстрелов, ни военных действий. А в 1943 году в нашем доме поселились русские лётчики. Свои самолёты они спрятали в лесополосе, в глубокой траншее. А фашистские самолёты очень низко летали над нами – мы даже боялись выйти в огород.

Мой отец был на трудовом фронте. Во время войны мы иногда ходили в школу. Я помню один случай... Мы сидели зимой в холодном классе, как вдруг услышали шаги в коридоре, дверь резко распахнулась, и в класс вошли трое немцев с автоматами. Мы все очень испугались, но учительница Татьяна Ивановна нас успокоила и позвала к себе, сказала: «Не бойтесь». Немцы над нами посмеялись и ушли, но потом полностью заняли всё здание школы. На занятия мы больше не ходили.

В нашей квартире поселились три немца, нас выгнали из спальни, забрали постель, одеяла. Мы перешли жить в кухню. Они перебили всех кур, заставили маму ощипывать и варить их. Потом зарезали и съели нашу тёлку, хотели забрать и корову, но через 4 дня начали наступать наши.

Мы собирали на поле колоски, потом мололи из них муку. В деревне был и свой полицай. Полицаев назначали немцы. Все полицайи ушли вместе с немцами – говорили, что в Сибирь.

Однажды мама сказала: «Я вас сейчас быстро искупаю, оденьте всё новое, а то взорвут, и не успеете поносить вещи». Немцы взорвали шахты, а потом сразу после войны пленные восстанавливали Гуковскую шахту № 206.

Когда заканчивалась война, к нам пришли наши солдаты, у них была рация. Однажды солдаты выбежали из дома и начали кричать: «Война закончилась!» Начали бросать шапки вверх. Мы все стали обниматься. Дети спрашивали: «А как это – война кончилась?» Солдаты отвечали: «Уже не стреляют, не бомбят. Не бойтесь!» Потом все вынесли продукты – у кого что было, и на улице накрыли столы, до поздней ночи праздновали День Победы.

У меня до сих пор перед глазами стоят разбомбленная станция, шахты, а звук бомбёжки иногда снится. Тогда мы почти не спали – бомбёжки не прекращались каждую ночь. Я часто плачу, когда вижу военные действия по телевизору.

С 9 мая 1949 года по 1973 год я работала машинисткой на шахте «Алмазная». С 1975 года проживаю в г. Пролетарске».

ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА КОНОНЕНКО (БОБРОВА)

Родилась 27 января 1934 года в станице Пролетарской Ростовской области.

«У нас была большая семья, – вспоминает Валентина Николаевна, – 12 детей, но живых осталось только пятеро. Уже в возрасте 5–6 лет мы ходили в поле и собирали кизяки. Это коровий навоз. Его все тогда собирали, добавляли в солому, делали лепёшки, потом их сушили, а зимой топили ими печь.

Сначала мы жили на улице Первая Южная, потом она стала Седова. Тогда в станице было 4 колхоза – Кирова, «Красная заря», «Красный восток» и Свердлова. Мои родители работали в колхозе имени Кирова.

Война к нам пришла сразу – в июне 1941 года. Я отлично помню этот страшный день. Я и другие ребята были в поле и собирали кизяки. Вдруг мы услышали страшный рев и заметили много самолётов – их была целая туча, всё небо от них стало чёрным. Это были немецкие самолёты. Нас начали бомбить. Это было в обед. Стало вокруг темно – от каждого взрыва земля как будто вздрагивала и вставала перед нашими глазами. Было очень страшно. Не знаю как, но мы бежали домой. Немцы бомбили почти час. Погибло много скота. Мы прятались.

В этот день, к вечеру, нам в дом принесли повестку нашему отцу из военкомата. Его призвали на фронт. Отец нас всех вывез в степь, в бригаду, для нашей безопасности.

Когда забрали мужчин на фронт, то в колхозе остались одни только женщины и дети. Наш колхоз располагался в балке. Нам хорошо было видно, как все евреи уходили из станицы пешком в лесополосы. И вскоре мы слышали рев моторов – на пригорок въехали немецкие танки и начали по нам обстрел. Через некоторое время немцы приехали и на мотоциклах. Как только появились, так сразу и вошли к нам в барак, стали искать русских мужчин. Нас они не трогали. Так началась немецкая оккупация до самого освобождения станицы.

В 1942 году мы переехали из бригады в станицу на квартиру. Мамин брат – дядя Вася – выкопал под смородиной окоп, а в сарае в стоге сена мы прятали ребят – моего брата Алексея и дядиных сыновей. Мы очень боялись, чтобы их не угнали в Германию. Нам удалось их спасти.

У нас в доме жили немецкие офицеры, но нас они не обижали. Один немец говорил, что у него тоже трое детей. Во время войны продолжали работать магазины и базар, где можно было купить только самое необходимое. В центре был двухэтажный магазин – именно здесь и располагалась немецкая комендатура.

Однажды произошёл такой случай. Это было летом 1942 года. Собрали урожай, и всем женщинам, у которых мужья были на фронте, немцы не стали давать зерно на трудодни, то есть почти всех обрекли на голодную смерть. Полиции стали запугивать всех женщин. Это были наши мужики – предатели, они служили немцам, наших девчат и ребят выдавали им, но когда немцы уходили, то жители всех предателей расстреляли.

Так вот, как жить без хлеба? Все женщины боялись за жизнь своих детей, но никто не возражал немцам. Однажды мама взяла с собой нашу самую маленькую сестрёнку Аллу, 1941 года рождения, и сказала: «Я иду к коменданту, и будь что будет». Полиция заверили, что её тут же расстреляют. Но мама набралась смелости и вошла в здание комендатуры. Моя сестра всегда была горластая и тогда тоже начала сильно кричать. В коридор вышел сам комендант, взял маму за руку и повёл на второй этаж в свой кабинет. Там сидела переводчица – учитель немецкого языка. Мама всё ей объяснила, та перевела коменданту

её просьбу. Он внимательно всё выслушал и дал письменное распоряжение отдать всё зерно, заработанное на трудодни, не только нашей маме, но и всем женщинам, у которых воюют мужья на фронте. Когда мама выходила из кабинета, то комендант сказал, что война войной, а жизнь есть жизнь. Благодаря маме всем женщинам выдали не только зерно, но и другие продукты, которые заработали. В первые годы войны у нас не было голода, а в 1943 году немцы стали бомбить элеваторы и продуктовые склады, вот тогда-то и начался страшный голод, который продолжался до 1948 года.

Я хорошо помню День Победы. Мы собрали колоски в поле, за которые нас гоняли, их было совсем немного, и понесли их на мельницу, а мельник нам дал муки намного больше, чем было колосков. Мы очень удивились. А дядя Слава – так звали мельника – сказал: «Пеките много пышек, будем праздновать День Победы!» Вот так мы и узнали, что закончилась война. Конечно, мы напекли пышек, наелись от пуза. На праздничном столе ничего не было, кроме пышек. Да и сейчас на 9 мая я всегда пеку пышки, поминаю тех, кто погиб на войне».

МЕЛАНЬЯ ФИЛИППОВНА СТАНКОВА

***Родилась 14 января 1926 года в слободе Новосёловка
Чертковского района Ростовской области.***

«У нас была большая семья – 7 детей. В 1941 году началась война, мне тогда было 15 лет. Я никогда не забуду этот проклятый день. В июне я окончила 7-й класс, и мои родители решили отправить меня учиться в город на медика. Родители заплатили, чтобы нас с подругой на подводе отвезли до вокзала. Сели мы ранним утром на подводу и приехали на вокзал, чтобы ехать учиться в город на медиков. Вот мы добрались до вокзала, а там кругом пусто, нет ни одного человека. «Как тихо!» – подумали мы. На вокзале висела тарелка громкоговорителя, мы стояли под ней, ожидая поезда. Вдруг над нами раздался голос Левитана: «Говорит Москва! Говорит Москва! Говорит Москва!» А дальше шло сообщение о том, что началась война с Германией. Мы долго плакали, потом вернулись домой. Моей мечте стать медсестрой никогда не суждено было осуществиться.

Вечером в этот день было общее собрание, а утром 23 июня 1941 года нас с подругой, как и других молодых людей, военкомат признал военнообязанными, и мы были отправлены копать окопы под город Ворошиловград. На каждого человека давали норму – выкопать в день 15 погонных метров, глубина окопов доходила до плеч. Сначала земля была

мягкая, а потом становилась всё твёрже и твёрже. Нам было очень тяжело, но мы все выполняли свою норму. К концу дня очень уставали, не чувствовали ни ног, ни рук.

Три месяца мы копали окопы, и всё это время жили в сараях, в которых раньше держали свиней, но теперь это была казарма. Нас кормила военно-полевая кухня. Когда закончили рыть окопы, нас оставили при армии рыть капониры. Капониры – это углубления в земле, куда ставили самолёты, другую боевую технику и орудия, складывали снаряды, потом засыпали землёй и маскировали от немцев. Нас отправляли вместе с военными в разные города, никогда не говорили куда, так как боялись, что мы можем разболтать кому-нибудь. Военные прятали орудия в землю, а мы с девочками подносили упакованные снаряды – они очень тяжёлые, мы их еле-еле поднимали вдвоём. Нас всегда торопили, а мы просто физически не могли быстрее. А потом все боеприпасы и орудия засыпали землёй, чтобы спрятать от немцев. Мы готовили стратегический резерв нашей армии. Когда фронт уходил дальше, мы с военными снова возвращались и выкапывали боеприпасы и орудия, переносили их в грузовые машины. Перевозили всё в другое место. Так продолжалось 5 лет – до конца 1945 года.

Иногда нам приходилось делать минные поля, чтобы не проходили немецкие танки, а после окончания боевых действий мы разминировали минные поля. Однажды был такой случай. Там, где мы копали окопы, рядом проходила линия фронта. Вдоль линии фронта шли красноармейцы. Один солдат, обращаясь к нам, выкрикнул: «Есть ли кто из Чертковского района?» Мы с подругой ответили. Она быстрее меня

назвала свою фамилию и имя – Пинкина Павлина. Вдруг кричащий солдат бросился через окоп к нам, стал целовать, обнимать мою подругу. Оказалось, что это её родной брат – Пинкин Иван, который ушёл в армию ещё в 1940 году, они не виделись больше года. Мы все обнимались и плакали. Глядя на счастливых брата и сестру, на душе было легко и радостно. Приятно знать, что где-то есть твоя семья, тебя любят и ждут. На фоне великого горя всей страны этот эпизод войны стал для меня светлым маяком радости, любви и простого человеческого счастья. Для нас это было настоящим событием, я через всю войну пронесла в сердце радость той неожиданной встречи, которая вселяла веру в нашу победу.

После тяжёлого дня к нам вечером приходили пять ребят с музыкальными инструментами, они нам играли, а мы пели и танцевали.

Однажды, как обычно, нас забрали военные, мы сели в машину, и тут ребята сказали, что сегодня работа отменяется, а мы едем праздновать День Победы, так как 9 мая закончилась война, а было уже 12 мая. Когда мы приехали на праздник, нас всех поздравляли командиры. В этот же день мне выдали удостоверение участника Великой Отечественной войны, но ещё год – до конца 1946 года – я оставалась военнообязанной. Сразу после праздника нам был дан приказ навести порядок вокруг

близлежащего посёлка. Я даже не помню его названия – столько мы прошли их за годы войны. Мы ходили вокруг этого посёлка и собирали трупы погибших солдат и то, что от них осталось: руки, ноги, разорванные в клочья гимнастёрки. Четыре бригады собирали трупы, трактором копали траншеи, и в них мы складывали вместе наших ребят и немцев – в одну огромную могилу. Убирали всю площадь от касок, разбитых орудий, сапог, танков и снарядов. Выполняя эту работу, я беззвучно плакала, горе и боль потерь терзали мне душу. Прошло уже много лет, но до сих пор становится жутко, когда я вспоминаю об этом. Я теперь только плачу – ничего не изменишь, не вернёшь...

Имею правительственные грамоты и награды».

НИКОЛАЙ ГОРДЕЕВИЧ ЕВСЕЕНКО

Родился 7 января 1938 года в хуторе Харьковский 1-й Пролетарского района Ростовской области.

«У нас в семье было двое детей и еще воспитывалась двоюродная сестра, 1923 года рождения, так как у неё умерли родители ещё до войны. Я войну помню с лета 1941 года. Почти всех мужчин из хутора забрали на фронт, но моего отца не забрали – он был глухонемой. Отец продолжал работать в колхозе водовозом. Я всегда с ним ездил за водой. Практически весь скот из колхоза эвакуировали, но под Калмыкией его разбили немцы.

Врезался в детскую память один случай. Мы с отцом поехали за водой к колодцу, который находился возле дороги. Добравшись до колодца, набрали воды. Стоим, видим – мимо нас проходят отступающие части красноармейцев. Выезжают нам навстречу солдаты. Лошадь загнанная, уставшая, едва передвигает ноги. Солдаты встают с лошади, забирают у нас водовозку (2 лошади, повозка и бочка с водой), а нам оставляют еле живую лошадь. Я помню чувство безысходности и горячие слёзы, которые жгли мне глаза. Отец посадил меня на лошадь, и мы без воды отправились в степь ее пасти, дать набраться сил.

В это лето нас бомбили, и мы почти неделю жили в подвале. Некоторые люди копали окопы прямо у себя в огороде, глубиной выше пояса, накрывали их деревьями, засыпали

землѣй и там прятались. Эти окопы долго ещё оставались даже после войны. Сильных бомбѣжек не было, но одна бомба упала на школу, повредив её. Мы не учились.

Когда ушли наши, то пришли немцы, но пробыли в хуторе совсем недолго, оставили вместо себя одного полицая – он был председатель колхоза. Очень хороший человек, нас, детей и подростков, никогда не обижал. Некоторых девушек забрали в Германию, но после войны все вернулись домой.

Зимой 1943 года через наш хутор проходили немцы и румыны. Немцы вели себя нормально, но румыны были настоящими мародѣрами, которым чужда военная дисциплина: они заскакивали в дома, полностью разграбляли, воровали всё, что попадалось на их пути. Мы румын боялись гораздо больше, чем немцев, – они были агрессивны, озлоблены. Отец прятал от них мою двоюродную сестру. У нас был клуня – помещение, сарай для хранения сена, соломы. Немцы поставили в этот сарай свою пушку. Однажды фашисты увидели советский танк, на моих глазах открыли огонь по нему из этой пушки и, конечно, подбили. Наш сгоревший Т-34 стоял среди хутора ещё долгое время. Когда немцы ушли, мы с ребятами досконально изучили его. Теперь на месте танка, в память о погибших русских танкистах, стоит памятник.

Мы не только интересовались танком, но и охотно собирали снаряды. Глупые были, не знали, какую опасность они несли. Бросали их в костѣр, отбегали и ждали, когда взорвѣтся. Некоторые ребята разбирали снаряды. Одному моему другу оторвало пальцы на руке, другой остался без глаза. Некоторые дети погибли, многие стали калеками.

Когда наши гнали немцев через хутор, то к нам во двор поставили знаменитую «Катюшу». Нам, мальчишкам, очень хо-

телось её как следует рассмотреть. Но оружие маскировали, прятали и очень сильно охраняли, нас даже близко не подпускали к нему, чтобы взглянуть хотя бы одним глазком.

У нас не было никакой связи со страной. О том, что окончилась война, мы узнали не сразу, гораздо позже. В хутор приехал посыльный, сообщил, что 9 мая окончилась война. Все люди вышли, стали обнимать друг друга и поздравлять с Днём Победы. У всех было хорошее настроение».

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ЕВСЕЕНКО (БОРОДИНА)

***Родилась в 1936 году в хуторе Привольный
Пролетарского района Ростовской области.***

«Когда началась война, двух моих братьев сразу забрали в армию. Некоторых девушек отправили рыть окопы, а других – прятать самолёты и другую технику от фашистов. Через несколько дней после того, как братья ушли на фронт, к нам в хутор приехали немцы на мотоциклах. Одна часть немцев остановилась у нас в доме, а другая – у соседей через огород. Своими мотоциклами они сломали изгородь между огородами, чтобы было удобнее ходить друг к другу. Расхаживали по хутору и спрашивали: «Матка, яйца?»

Когда началась война, мы сами себе выкопали окопы в огороде, накрыли их ветками и во время налётов и бомбардировок прятались туда или в подвалы. Когда пришли немцы, мама прятала в окопы мою старшую сестру, 1929 года рождения, потому что боялась, чтобы её не угнали на работу в Германию.

Немцы жили в зале, а мы – в других комнатах. Мы их очень боялись. Мама старалась им угодить. Как сейчас помню, один немец достал из нагрудного кармана губную гармошку и начал на ней играть. Я вышла из своей комнаты, радостно и восторженно начала хлопать в ладоши. Тогда немец, недолго думая, вручил эту гармошку мне. Я помню, как я была счастлива. Поиграв на гармошке, я хотела вернуть её, но немец знаками объяснил, что он её подарил мне. Эта гармошка была у нас долгие годы, даже после войны.

Когда немцы жили у нас, то мы впервые в жизни попробовали настоящий шоколад – им они угощали нас каждый день. Мама всегда запрещала брать что-либо у немцев, но я никогда не отказывалась от шоколада.

С болью вспоминаю своего старшего брата. Он пришёл домой из-за ранения – был тяжело ранен в руку. Мама его лечила. До сих пор перед глазами стоит то, как мама первый раз снимает у него с руки повязку: рана – огромная, кость раздроблена, но самое ужасное, что из-под бинтов вылезают вши, их куча, даже в самой ране. Мама плачет, у меня всё перед глазами плывёт – то ли от слёз, то ли от того, что мне очень плохо. Пелена перед глазами, и я чувствую, что падаю... Бинтов новых не было, мама стирала, сушила его бинты. Рука не успела зажить, брата снова забрали на фронт, и вскорости он погиб. Он был 1925 года рождения, погиб под Ленинградом. Помню, как мама получила похоронку на моего брата – она несколько дней почти ничего не говорила, только плакала.

Помню и тот день, когда некоторых девушек из хутора угоняли в Германию на работу. Собрались, наверное, все жители нашего хутора. Девушек посадили в машину. Машина уехала, а мы ещё долго стояли и все плакали.

Однажды помню – я иду по улице. Вдруг начинается бомбёжка, а я иду, не прячусь, хотя мне очень страшно, я просто поднимаю голову и смотрю на самолёт, продолжая идти в гости к своей подруге. Самолёт летит низко. Я отчётливо понимаю, что он меня проверяет, следит за мной, кружится над головой, но не открывает по мне огонь, а бомбит где-то рядом, у меня за спиной. Я не чувствую своего тела, ноги ватные, в ушах слышу рев мотора. Но я пытаюсь заставить себя не бояться, просто иду. Закончилась бомбёжка. Самолёт улетел, а у меня из глаз покатались слёзы. Я беззвучно плакала всю дорогу.

У нас за хутором было много убитых солдат. Некоторые женщины были очень смелые, они ходили туда снять с мёртвых шинели, гимнастёрки, сапоги. Потом, что подходило, носили, а из шинелей шили себе юбки, так как не было никакой одежды, совсем нечего было одевать.

Во время войны все продолжали работать в колхозе. За хутором было минное поле – много скота погибло на минах, а несколько мальчишек остались калекami, так как сами искали, где закопаны мины, кидали их в костёр, разбирали. Не-

которые женщины вязали для красноармейцев носки, потом передавали их на фронт.

Мы все знали, что война идет к концу. И вот пришёл долгожданный День Победы. Мы все бежали и кричали: «Наши победили немцев! Ура!» Все обнимались и плакали».

ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ БАЛЕНКО

Родился 26 апреля 1936 года в г. Батайске Ростовской области.

«Война застала нас в станице Казанской. Хорошо помню войну с 1942 года. Отец работал начальником НКВД станицы Казанской. Когда началась война, немцы в первый раз захватили Ростов-на-Дону, и всё начальство стало уезжать в Казахстан, за Урал. У отца была рабочая машина. Он не знал, что ему делать, и поехал в Ростов. Доехал до Миллерово, но там были уже немцы. И отец вернулся в станицу.

Моё первое воспоминание о войне – завывли сирены. Отца не было. Мама и мы – трое детей – спрятались в подвале. Недалеко от дома был госпиталь, всю дорогу к нему заставили подводами. За домом отец приказал выкопать окоп – бомбоубежище. Делать этого никто не хотел, но под приказом его выкопали заключенные. В этот же день снова бомбили, тогда мама сказала, что надо бежать в бомбоубежище. Мы все стояли там, а отец только что переехал через Дон, и немцы тут же разбомбили новый мост. Отец сразу вернулся в бомбоубежище. Было очень страшно, летели разные бомбы, и одна весом 250 кг упала в 15 метрах от бомбоубежища. Окоп стал рушиться, и мужчины подпёрли его спинами. Дети и женщины вышли, а когда вышел последний мужчина, окоп сразу обрушился.

Когда в очередной раз стали бомбить, маму и нас, детей, посадили к отцу в машину и отвезли на 10 км от станицы. Отец остался в Казанской. Потом нас повезли в сторону Волги, чтобы переправиться через нее и быть в безопасности.

Мы ехали только по ночам, потому что немцы постоянно бомбили, и даже ночью. За ночь при бомбёжке приходилось по несколько раз пересаживаться, прятаться по степи. Через

несколько дней военные забрали у нас машину, а нам дали лошадей, потом забрали лошадей – дали быков. Мы приехали в один поселок в Воронежской области. Мама стала работать на току, а нас определили в детский сад.

Есть было нечего, нас принимали на ночь, и, как правило, хорошо, но однажды мы прибыли в один добротный казачий дом, и хозяйка нас приняла с неохотой. Она нам запрещала ходить в огород и рвать паслён и сказала, что если завтра придут немцы, она нас прятать не будет. Мама собрала все наши документы и бросила их в колодец. Здесь мы прожили до февраля 1943 года, пока немцы не были разбиты под Сталинградом.

Отец нас разыскал. Потом на санях нас забрал водитель отца в станицу Шумилинскую. Отец в Казанской служил при штабе, он отправлял на оккупированную территорию солдат в разведку. В 1943 году я должен был идти в школу, но отец меня не пустил, так как не было ясно, что на Курской дуге и как сложится ситуация.

В 1944 году мы жили в Казани, и там я пошёл в 1-й класс. Ходили в школу – кто во что одетые, сами шили бурки, подвязывали их. Писали кто на чём. У меня была привилегия: мой отец приносил немецкие трофейные карты, а мама их чертила в косую линию, в клетку – не было. Были чернила из черники, её смешивали с водкой. Вместо клея использовали клей с вишни – его грели и растворяли, потом им клеили.

В конце декабря 1943 года прибыли наши «Катюши», они шли через лес. Наши гнали немцев до самого Миллерово. В 1944 году отец поехал в Ростов, и я поехал с ним. Ростов был

весь разбит, ведь его 2 раза брали немцы и наши. Стояли одни только обгорелые дома, лишь церковь осталась целой и невредимой, хотя вокруг всё было разбито.

Моё детское чувство войны – это ощущение постоянного страха и голода. Продукты не продавались, выдавались по карточкам. Хлеб пекли из желудей и отрубей. Он был чёрный и очень жёсткий, его нельзя было много есть. Полностью карточки отменили в 1946 году.

На День Победы был большой митинг в центре станицы Казанской, очень много говорили...»

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА КЛЮКОВА (ЗЕНЦЕВА)

***Родилась в 1932 году в станице Великокняжеской
Ростовской области.***

«Родители у меня казаки, деда раскулачили – у них была своя мельница. В нашей семье было 5 детей. Отца призвали на фронт в самом начале войны, он был связистом. Однажды они добирались до своей воинской части в Тихорецке, и весь их обоз попал в плен к немцам. Отец всю войну провёл в концлагере, работал на лесопилке (деревообрабатывающий завод).

С началом войны у нас в станице стали копать окопы. Когда была первая бомбёжка, все станичники ушли в степь, но там уже были немцы, и они всех вернули назад. Нам пришлось ночевать у чужих людей в подвале возле мельницы. Было страшно, дети читали молитву, друг друга успокаивали. Бомбёжка длилась почти сутки, потом все разошлись по домам.

Немцы ходили по домам, искали евреев, цыган и людей других национальностей и куда-то их забирали. Однажды мы видели много немецких машин, которые потянулись к старому песчаному карьёру. На машинах сидели люди. Немцы на грузовиках привозили туда мирных жителей, расстреливали, заполняя мертвыми телами шахту карьера. Гитлеровские палачи согнали всех жителей еврейской, цыганской, русской, украинской национальностей за город к карьеру и здесь замутили – били и заживо закопали часть ни в чем не повинных младенцев, юношей, девушек, женщин, стариков и старух.

Земля в карьере поднималась, плакала. Стоны умирающих людей были долго слышны жителям станицы. Земля стонала несколько дней. От этого стога волосы поднимались дыбом, было очень страшно. К колодцам было жутко подходить, а напиться воды никто не мог – вода в колодцах была кроваво-красного цвета. Наш дом стоял на окраине, поэтому нам все хорошо было видно и слышно. Немцы никого не подпускали туда, мы не могли помочь никому. Я и сейчас иногда во сне слышу этот стон и вижу землю, пропитанную кровью.

В 1943 году, когда началось наше наступление, к нам в дом пришли шесть наших разведчиков. Мы их накормили, они обогрелись и ушли. Недалеко от нашего дома одного из них убили. Немцы не разрешали его хоронить. Труп лежал три дня, пока не пришли наши.

В память врезался один случай. Когда немцы заняли станицу, наши ребята украли у одного из них спички. Тогда немцы отсчитали десять домов и из каждого дома забрали всех мальчиков, а остальных жителей согнали на соседний двор. Нас всех заставляли смотреть, как избивают детей плетью. Два немца так хлестали ребят, что вся стенка дома была в крови. А избитых мальчишек оставили лежать под домом, долгое время не разрешая их забрать домой.

У нас была корова, немцы забирали молоко, а мы все оставались голодными. Животные, будучи истощенными, замерзали, их тушки валялись по всей степи. А голодные, изможденные жители станицы по ночам ходили в степь, отрезали с замёрзших тушек животных куски мяса, на санках, на бричках тащили домой, чтобы накормить свою семью и спасти от голода.

В январе 1943 года стояли жестокие морозы. Начались бои за освобождение нашей станицы, и 20 января 1943 года ее освободили. На следующий день мы стали налаживать мирную жизнь. Женщины и дети собирали трупы солдат, и то, что осталось от них: руки, ноги, головы. Потом грузили на брички и вывозили хоронить в огромный ров, который выкопали на старом кладбище. Это была одна огромных размеров братская могила. Мы физически не могли копать могилы для каждого солдата отдельно. Земля промерзла примерно до полутора метров, копать было очень тяжело, практически невозможно.

Мы также собирали все документы, передавали специальным людям, которые их куда-то увозили. Многие солдаты

были неизвестными. Было очень тяжело, к вечеру мы падали без сил, а рано утром все начиналось сначала. Было голодно и очень холодно. Все мечтали поесть и согреться.

В СССР бывшим военнопленным было очень тяжело, их всех считали предателями, говорили, что лучше смерть, чем плен. В 1945 году отец был освобождён из плена. Казалось, жизнь начинает налаживаться, но его сразу сослали на Урал, обязав отработать 3 года. Отец, получив отпуск, забрал семью. Мы ехали 18 дней. Жили в г. Ревда Свердловской области. Там находились и немецкие военнопленные, которые тоже отстраивали страну. У них на груди были таблички из фанеры с надписями их злодеяний. Мне запомнился один немец, у которого на табличке была надпись о том, что он принимал участие в казни Зои Космодемьянской. Родители говорили, что те, у кого есть фанерные таблички с записанными преступлениями, – это эсэсовцы.

Отец был грузчиком на заводе и умер через полтора месяца после того, как мы приехали к нему. У него была язва желудка. Мама решила остаться на Урале, и прожили мы там 20 лет. Сразу после войны на Урале ведро картошки стоило 300 рублей, булка хлеба – тоже 300 рублей. Действовала карточная система: на каждого человека выдавалась карточка, в которой был написан перечень продуктов. Я вернулась в родную станицу в 1965 году».

ГРИГОРИЙ МАТВЕЕВИЧ КУЛЕШОВ

Родился 10 мая 1928 года в станице Буденновской Пролетарского района Ростовской области.

«В 1935 году я пошел в школу, в первый класс. В 1941-м закончил 6-й класс. Именно с начала войны я имею официальный трудовой стаж. К тому времени во многих колхозах были созданы фонды РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии). У нас в Буденновке был тоже такой фонд – в нашем колхозе разводили породистых лошадей для армии и для работы в поле, их содержали отдельно. И лошадей

*Григорий Матвеевич Кулешов и
Борис Борисович Акимов*

было очень много – одна лучше другой.

Я отчетливо помню начало войны: повсеместно царит хаос, слезы. В детскую память врезался один эпизод: наших лошадей забирали и отправляли на фронт, связывали нарытниками и поводками по несколько животных. Конечно, для армии на фронт отправляли самых лучших породистых лошадей 3–4 лет.

Я начал трудиться в колхозе им. Первой конной армии. В мальчишеские годы, перед войной, я встречался с командующим Первой конной армией РККА, Маршалом Советского Союза Семеном Михайловичем Буденным, который ранее проживал в нашей станице и иногда приезжал навестить своих родных. 17 июня 1942 года С. М. Буденный, будучи командующим Северо-Кавказским фронтом, должен был проезжать через нашу станицу. Немецкая разведка, видно, узнала об этом, поэтому именно в тот день была впервые самая интенсивная и продолжительная бомбежка всей станицы и ближайших окрестностей.

Очень хорошо помню 1942 год – эвакуацию людей. Мы от бомбежки уходили в степь, потому что очень боялись. Как только началась война, чтобы не было лишней информации, у всех изъяли радиоприемники, и мы были оторваны от всей информации и событий, происходящих на фронте. Все работали от зари до зари в поле. Женщины вязали для фронта варежки с двумя пальцами, носки для солдат.

Вся техника и животные были отправлены в эвакуацию (трактора, комбайны, коровы, овцы) за Волгу, чтобы сохранить технику и породы животных. Остались только лошади и волы, которые сами гуляли по степи, отбившись от стада при перегоне.

Немцы оккупировали станицу летом 1942 года. За несколько дней до немецкой оккупации нас отпустили из бригады домой. Сверху отчетливо слышался звук мотора немецкого самолета-разведчика, его еще называли «рама». И я стал стремительно приближаться к дому, где можно было спрятаться,

ведь в огороде выкопали окоп, сверху засыпанный землей и имевший два выхода.

Когда немцы заняли станицу Буденновскую, сразу организовали комендатуру, которая занималась созданием власти. Провели сходы граждан, выбрали старосту – Наконечного, но имя не помню. Так мы стали проживать на оккупированной территории. Иногда, когда нам нечем было разжечь дрова, мы обращались к немцам за керосином, обменивали его на продукты.

Мы были в оккупации 6 месяцев. В памяти остался декабрь 1942 года, объясню почему. В ноябре 1942 года немцы наступали на Сталинград, проходя через весь Пролетарский район, в том числе и через станицу Буденновскую. Немецкие солдаты шли на Сталинград веселые, радостные, как будто на праздник, чувствовали себя хозяевами нашей земли, повсюду разносились смех и веселые песни, которые немцы играли на губных гармошках. 18 ноября 1942 года оборонительный период Сталинградского сражения закончился, и затем началось наступление Красной Армии, которое закончилось окружением армии Паулюса и поражением немцев.

И вот декабрь 1942 года. Оставшиеся части немецкой армии бежали из Сталинграда назад, снова через нашу станицу. Зрелище было удручающим: ободранные, заросшие, голодные, с обезумевшими глазами люди... Едва ли они походили на тех бравых, веселых солдат, которыми были еще недавно, не было даже намека на всесильную армию. Уже не было губных гармошек, только испуганные, голодные люди. Они остановились у нас в Буденновке всего на несколько часов на отдых и ушли дальше. Эта картинка так врезалась мне в память, что кажется, будто это было не так давно.

В это время в станице полицаем был Семен Мищенко. У него не было кисти руки. Он был очень жестоким человеком, издевался над русскими военнопленными, избивал их, мучил. Когда наши только вошли в станицу, его вывезли на кладбище и как предателя там расстреляли.

В 1942 году со станицы увозили наших девушек на работу в Германию, помню – Бондареву Зинаиду, Лымареву, Зубкову, Харченко... После войны не все девчата вернулись домой.

Однажды нас, мальчишек, заставили расчищать дорогу от снега – примерно 6–7 километров, чтобы могла пройти военная техника до самой линии фронта. Да зимы были – не то

что сейчас, снега было о-го-го, морозы доходили до минус сорока. Мы не чувствовали ни рук ни ног, а нас гнали все ближе к фронту. Было очень страшно, пули свистели над головой. Никогда этого не забуду.

В 1943 году, 17 января, освободили нашу деревню. После освобождения начали стягивать животных из разных регионов для проведения посевных работ. Было очень тяжело. В 1944 году я вступил в комсомол.

«Помните ли вы День Победы?» – на этот вопрос отвечаю честно: мне жаль, но не помню, ведь не было радио, да и новости с фронта приходили к нам с большим опозданием. Мы все время работали в поле, и о нашей победе я узнал лишь с возвращением первых солдат домой. Что для меня символ победы? Это патриотизм людей и великое мужество!

С 1945 года по февраль 1949 года я работал учеником токаря. Продолжил линию своего отца – работал на Будённовской МТС (машинно-тракторной станции). В апреле 1947 года получил свою первую медаль – «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». С этого времени мне официально присвоено звание «Труженик тыла». 9 февраля 1948 года получил повестку в армию. Все служили 2 года, а я служил 4 года. Служил в пехоте. С 15 апреля 1962 года по июль 1997 года работал директором рыбокомбината. Окончил заочно экономический институт. Имею 55 лет трудового стажа. Имею все юбилейные правительственные награды, посвященные Победе в Великой Отечественной войне. 20 февраля 2015 года получил юбилейную медаль «70 лет Победы в Великой Отечественной войне».

НИНА ДМИТРИЕВНА КАЛИНИЧЕНКО (ОСИПЕНКО)

***Родилась 14 ноября 1926 года в хуторе Бакланники
Семикаракорского района Ростовской области.***

(Из воспоминаний дочери Н. А. Калиниченко)

Нина Дмитриевна прожила долгую и трудную жизнь. Ее родителей раскулачили в голодном 1933 году и сослали в Сибирь. Желая спасти трех своих детей, они оставили их на вок-

зале г. Сальска. Там их нашла милиция и распределила по детским домам колхозов. Так Нина потеряла не только родителей, но и двух братьев: младший умер в детприемнике, а след старшего брата так и не смогла найти, хотя искала его и родителей многие годы. Медики определили ее примерный возраст – 7 лет, и она попала в колхозный детский дом х. Харьковского 2-го. По воспоминаниям, было их – детдомовцев – 10–15 детей разного возраста, жили впроголодь, не было элементарного: одежды, мыла, тетрадей, учебников. Когда Нине исполнилось 12 лет, детдом расформировали, а дети по очереди жили в разных семьях. Хлебнула Нина вдоволь и горя, и слез, и обид. На каникулах дети с 10-летнего возраста работали наравне со взрослыми в колхозе, в основном подвозили на волах воду, зерно, сено. Вставали чуть свет и ложились затемно. Но зато их 3 раза в день кормили кулешом.

К началу войны Нина окончила Буденновскую 7-летнюю школу. 22 июня 1941 года она запомнила на всю жизнь. У репродуктора возле конторы собрался весь хутор, плакали женщины, нервно курили мужчины. В течение месяца практически все мужчины были призваны в армию, в хуторе остались женщины, дети и старики. Все работы легли на их плечи. Трудились по 18 часов, тут же падали от усталости и засыпали.

В конце июля 1942 г. пришли немцы. Бои шли 3 дня. С самой высокой точки хутора от Маныча лавиной шли немецкие танки армии Гудериана. Как вспоминала Нина Дмитриевна, голодные, босые, раненые красноармейцы отступали через хутор. Их окружили, и в ст. Буденновской на окраине был сформирован временный концлагерь для военнопленных. В голой степи, под палящим августовским солнцем, под открытым небом, без еды и воды несколько сотен русских

солдат были окружены колючей проволокой. Женщины из хуторов пекли хлеб, набирали воду в сушеные тыквы. А их дети бросали узелки с продуктами через проволоку, так как детей немцы подпускали к лагерю поближе.

Потом началась оккупация. В конце августа 1942 года Нину Дмитриевну вместе с другой молодежью хутора угнали в Германию. Ехали более двух недель, кормили и давали воду 1 раз в сутки. Многие в пути умерли от болезней.

Лагерь располагался на западе Германии, в Баденхаузене. По прибытии всю молодежь сразу же отправили в карантинную зону, где закрыли в помещении и обработали газом для уничтожения вшей. От удушья и в давке погибло много женщин. Затем разместили в концлагере. Он был интернациональным, там были поляки, французы, чехи, украинцы. Но выходцев с Дона немцы ненавидели больше всех, так как первым был освобожден Ростов-на-Дону – еще в 1941 году.

Нина Дмитриевна вместе с подругой Анной была определена в швейный цех. О проведенных в Германии годах не хотела рассказывать. Все те же голод, лишения, унижения... Хотя вспоминала одного мастера – немца, благодаря которому смогла выжить в то страшное голодное время в чужой стране. Мастер тайком приносил еду со стола своей многодетной семьи и говорил: «Ани, Лина, ком цу мир!» И давал поест яйцо, кусочек сала.

В мае 1945 года узников освободили американские войска. Потом было еще 6 месяцев проверок НКВД, и в ноябре 1945 года Нина Дмитриевна вернулась в родной хутор. С 1948 года работала в торговле до выхода на пенсию в 1978 году по инвалидности – сказались голод, лишения, травмы, костный туберкулез, полученные в годы войны. Вышла замуж, родила троих детей, воспитала шестерых внуков. Она редко рассказывала о войне, всегда ценила каждую крошку хлеба, радовалась мирному небу, до конца своих дней не разучилась смеяться искренне и добродушно, как ребенок. Имела статус малолетнего узника».

ЛЮБОВЬ АЛЕКСЕЕВНА ПОБЕРЕЙ

Родилась 25 марта 1932 года в хуторе Сухая Ельмута Пролетарского района Ростовской области.

«Я хорошо помню, как началась война. Мне было 9 лет. Семья у нас была большая – 6 детей. Мы все, дети, говорили, что пусть только немцы придут – мы их забросаем камнями.

Вначале нас всех заставили рыть окопы для себя. Мы выкопали окоп буквой «Г» под ветками вишни, длиной 2 м. Окоп накрыли ветками.

Немцы пришли летом, мы спрятались в окоп. Вдруг подошел немец и открыл крышку, потом дал команду, чтобы все выходили. У нас в это время жили беженцы – евреи, и мы очень испугались, что и их, и нас расстреляют, но немцы сказали, что расстреливать не будут. Сразу зарезали поросёнка, забрали кур...

Из нашей деревни трех девочек угнали в Германию. Одной из них должна была быть сестра отца. Мы готовили ей продукты, вещи. Но утром к нам пришла одна беженка и сказала, что она поедет в Германию вместо нашей Евдокии, – она очень хотела уехать из страны. Вот так наша Евдокия осталась дома.

Когда мне исполнилось 10 лет, я стала работать в колхозе. В 13 лет, уже после войны, получила свою первую медаль – за доблестный труд. Немцы назначили полицаем Сашко – он был очень хорошим человеком. Подтыканов, его сосед, что-то сказал немцам про Сашко, и его тут же расстреляли, потом Подтыканов стал полицаем.

Мы собирали в поле колоски. Было очень строго. Подтыкан подъезжал на лошади, нас заставляли построиться в ряд, он проезжал мимо и всех бил плётками до крови. Мы падали на землю, плакали – он наказывал за колоски, которые были у нас в руках.

Во время войны был страшный голод, мы ели разную траву. Был такой случай: летом регулярно летал наш самолет-разведчик, я пасла овец, и что-то мне кинули с самолета в упаковке, что-то завёрнутое, но подарок упал в воду. Я плакала, потому что не смогла достать.

Мои младшие братья и сестры стали уже чернеть и пухнуть от голода. Их забрали в больницу. Мама тоже пухла от голода и была еле жива. Я ходила пешком в Пролетарск их проведывать. А после больницы вела их пешком домой 15 километров – еле довела. Мама выжила.

Немцы жили у нас в доме. Когда они бежали со Сталинграда, у нас во дворе забыли свою палатку. Мы очень обрадовались и сшили себе юбки.

Не знаю, как выжила после войны. Я продолжила работать в колхозе. У меня образование – полтора класса.

Хорошо помню День Победы. Я в поле пасла овец. Из Мокрой Ельмуты приехал гонец на лошади с флагом и кричит: «Победа, кончилась война!» И я всем стала сообщать о победе. Все собрались в клубе. Мне только купили новые кирзовые сапоги. Я на праздник эти сапоги несла подмышкой, чтобы не вымазать. И мне все завидовали, что у меня новые сапоги.

После войны Подтыканов остался жить в деревне, и мы все его ненавидели.

Для меня символ победы – это обычная сирень. Я всегда думаю, что именно так пахнет радость, счастье и победа.

ВЕРА ГРИГОРЬЕВНА ГОРОБЕЦ (ПАНТЮХОВА)

Родилась 9 мая 1939 года в хуторе имени Жданова Яшалтинского района (Калмыкия).

«У нас была большая семья, детей – 7 человек. Когда началась война, мне едва исполнилось 2 года. Все женщины из деревни вязали тогда для фронта носки, варежки, шили жилет-

ки. В каждый дом приходил военный, считал количество проживающих в доме. На каждого определялась норма – сколько необходимо каждый месяц для фронта сдать связанных пар носков, жилеток. Эта норма распределялась даже на грудных детей.

Нам в дом приносили много овечьей шерсти, женщины и взрослые дети собирались у кого-то вечерами при лучине и были заняты работой до поздней ночи: кто-то пряд шерсть, кто-то вязал, другие шили жилетки. Норму ведь нужно было обязательно выполнить.

Днем женщины и дети работали в поле. После уборки урожая в поле собирали колоски, которые также нужно было сдать на фронт. Мы голодали, но ни одного колоска невозможно было взять себе – всех проверяли. Однажды, помню, наш сосед Шилов смог немного унести с собой колосков пшеницы, ведь у них тоже было 7 детей. Их нужно было чем-то кормить. Но кто-то его сдал властям. По всем домам стали ходить члены комиссии, переворачивали все в хатах, искали зерна. Зашли в хату к Шиловым и нашли около 2 кг пшеницы. Его жена взяла вину на себя – как будто это она принесла с поля это зерно. Она думала, что ее простят, так как у нее еще был грудной ребенок на руках. Но она ошиблась: суд осудил ее на 10 лет, а 7 детей лишились матери. Ее водили под конвоем по всему хутору, объясняя ее вину, чтобы другим неповадно было. А мы, дети, бежали за ней через весь хутор и провожали машину, в которой ее увезли. Все дети Шиловых тоже бежали за машиной, плакали и кричали.

Помню еще такой случай. Наша корова привела два телка. Одного телка сдали государству, а другого – зарезали, а мясо спрятали на лежанке в печи, так как боялись, что и этого телка заберут для государства или на фронт. Мама обмазала мясо глиной и спрятала его в припечек, но в это время к нам пришла соседка и увидела голову телка, которая немного выглядывала из глины. Она сообщила об этом властям, и к нам пришли с обыском. Разворотили печку и нашли мясо этого телка. Но за нас заступился объездчик полей Иосиф Зозуля – он сказал, что наша семья уже сдала одного телка, а второго можно оставить себе. Это спасло нашу маму от тюрьмы.

Я хорошо помню немцев, которые на мотоциклах проехали через наш хутор. Они ни в кого не стреляли, но хватали кур, овец, телков, которые паслись на улице. Боевых действий у нас в хуторе не было, лишь звуки бомбежки доносились из соседних хуторов. Но даже они казались нам не такими страшными, как голод.

Мы жили среди калмыков, и они жили лучше, чем мы. Наша соседка-калмычка иногда, жалея нас, прятала в нашем стоге сена кусочек мяса, шкуры и головы телков, чтобы мама могла приготовить нам еду. Она приходила к нам, шептала на ухо маме, чтобы никто не слышал, и мама вечером ходила к стогу сена и находила там мясо. Его готовили поздней ночью, чтобы ни одна душа не знала об этом. Для нас это был настоящий праздник.

Но вот однажды, незадолго до конца войны, в 1943 или 1944 году, зимой, к нам в хутор приехали большие грузовые военные машины, их было очень много. Большинство машин были заполнены людьми, некоторые были пустыми. Из этих машин выбегали военные с автоматами. Они заходили в каждый дом и, видя калмыков, выгоняли их из своих домов. Мы, дети, все высыпали на улицу, где стоял душераздирающий плач, нечеловеческий крик. Людей выгоняли – кто в чем был,

не разрешали ничего с собой из дома брать, даже одежду. Калмыки старались надеть на себя как можно больше одежды. Солдаты их грубо заталкивали в машины. Одного старого калмыка, который сам не смог забраться в машину, взяли за ноги и за руки и просто закинули в кузов. Со всего хутора калмыков пригоняли конвоиры с автоматами. В их домах солдаты устраивали беспорядок – все перерывали, ножами резали подушки, перины. Эта жуткая картина до сих пор стоит перед глазами. Примерно за 3 часа всех калмыков выселили из нашего хутора. Я до сих пор не знаю, куда и почему.

Во время Великой Отечественной войны мы собирали старые, сухие шкуры коров и телят. Очень долго их варили, потом ели, чтобы не умереть, ведь многие люди пухли от голода и умирали. Из лебеды варили «зеленый» борщ и ели любую траву. Одежды почти никакой не было. Сами шили себе на ноги из овечьих и телячьих шкурок что-то типа тапочек. Мы их называли «поршнями». Шкурки замачивали, чуть-чуть выделывали, пришивали шилом ремни, собирали по кругу – вот и получался настоящий «поршень». В такой вот обуви мы и ходили. Наше так называемое белье стирали желтой глиной (сначала замачивали на несколько дней глину в бочках, потом сливали воду с глины, и этой водой стирали – она становилась мыльная), стирали в деревянном корыте. Ни порошка, ни мыла у нас тогда не было.

Однажды был случай. Неподалеку от нас в балке спустились немецкие парашютисты. Мы видели, как они летели. Через два дня после этого мы побежали играть в эту балку и нашли парашюты, которые немцы бросили в овраг. Набежала вся деревня. Мы были счастливы, что у нас такая дорогая находка, ведь это был плотный шелк разных цветов: белый, черный, зеленый. Вечером мы принесли парашюты домой. Бабушка обрезала с них веревки, которые тоже пригодились, и нам всем пошили платья, а братьям – рубашки. Мы очень долго носили эту одежду.

О том, что окончена война, мы узнали от коннонарочного – он приехал на лошади и объявил о победе. Жители нашего хутора не работали 3 дня. Все плакали, обнимались. У нас за хутором в этот год очень красиво, пышно цвели тюльпаны, а во время войны они были низкими и мелкими. Для меня именно степные тюльпаны являются символом победы».

МАРИЯ ИВАНОВНА ЛОПАТЬКО

Родилась 15 апреля 1925 года в хуторе имени Жданова Яшалтинского района (Калмыкия).

«У нас была большая дружная семья: родители, три сестры и брат. Мы все родились и жили в Калмыкии. Наш отец был агрономом, единственным на всю Калмыкию. Отца постоянно переводили из одного района в другой, и вся семья переезжала вместе с ним. Мы, девочки, получили образование – 2 класса, а наш братик – Лопатько Александр Иванович 1921 года рождения – окончил семь классов за 4 года, так как учился очень хорошо – за один год проходил два класса, свободно говорил на калмыцком языке. Ходил в школу он за 12, иногда 15 километров от дома, в соседний район. Когда Саша с отличием окончил 7-й класс, его премировали школьным костюмом из натурального кашемира, настоящими кожаными школьными туфлями и фотоальбомом «Наш вождь – Иосиф Сталин», где были размещены фото Сталина в разные периоды его жизни. Саша очень гордился этим ценным подарком.

Когда мне исполнилось 10 лет (1935 год), я уже стала работать в колхозе в должности помощника чабана. Постоянно меняя место жительства, нам приходилось жить с калмыцкими семьями, делить с ними кров, еду. Всегда жили дружно, они очень уважали нашего отца. В какое-то время жили рядом с семьей Городовикова Басана Бадьминовича* – общались близко, как с добрыми соседями, угощали друг друга любимыми семейными блюдами.

Наша мама сама шила нам одежду. У нас была отличная швейная машинка «Зингер», которую маме купили в приданое перед свадьбой, – она сохранена в рабочем состоянии и сегодня. Наши соседи-калмыки умели качественно, отлично выделывать шкуры коров, овец, из которых шили кожаные теплые тапочки и тулупы, и часто брали у нас швейную машинку для работы.

Примерно за год до войны я работала кухаркой в колхозе, где большинство были калмыки. Мне нужно было приходить

* *Военачальник, во время Великой Отечественной войны получил звание Героя Советского Союза.*

на работу очень рано, и часто, боясь волков, я ночевала в бригаде на кухне. Я знала калмыцкий язык и поэтому хорошо понимала, что говорят. А калмыки не догадывались, что я отлично их понимаю.

Было очень суровое, непростое, страшное время. Мы все жили в страхе. Калмыки не хотели идти служить в Красную Армию. Многие дезертировали – кто с оружием, кто без. Их считали предателями. Они организовывали банды, а если могли, то вредительствовали и убивали скот. Значительная часть населения тайно (потому что явно – было опасно для жизни) не принимала Советской власти. Руководители нашего колхоза – калмыки – или сами боялись, или были участниками банды, которую мы шепотом называли «Черная колоска».

Бандиты ночью вывозили зерно прямо с тока, уводили скот – лошадей, коров, овец – не только из колхоза, но и из домов русских жителей. Некоторые люди вынуждены были заводить скот в дом, чтобы он не пропал за ночь. Я знала все это, но очень боялась даже кому-либо об этом сказать, ведь калмыки – безжалостные, не пощадят никого.

Итак, пришла весна 1941 года. Вокруг нашего хутора зацвели степные тюльпаны, но не так, как всегда. Тюльпанов было очень мало, цветы – низкие и мелкие. Самый старый дедушка сказал мне: «Быть великой беде. Матушка-степь все знает. Скоро все случится, попомни мои слова».

20 мая 1941 года моего братика Сашу забрали на действительную службу в армию – ему исполнилось 20 лет. Наша мама очень плакала, когда он уходил, причитала, что не увидит его никогда. Сердце матери нельзя обмануть. Больше мы его не видели никогда. Он попал в город Чернигов Украинской ССР. От него пришло всего несколько писем. 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. В конце июня от брата пришло письмо, в котором он сообщал, что был ранен, находится в госпитале, и больше писем от него не было. Через шесть месяцев пришло сообщение о том, что брат пропал без вести.

В конце октября 1941 года меня вместе с молодежью нашего хутора отправили на окопы в село Богучары, что под Воронежем. Всех людей распределили по домам. Чтобы копать окопы, мы вставали очень рано, работали до поздней ночи.

Как только мы приехали, нас кормили три раза в день, потом питание стало хуже. Давали вареную пшеницу.

Все время, пока мы работали, над нами кружились немецкие самолеты, которые разбрасывали листовки, призывающие сдаться врагу, запугивающие. Вот помню текст одной листовки: «Русские дамочки, не ройте ваши ямочки, приедут наши таночки, вас зароют в эти ямочки». Немцы бросали также детские игрушки, кровати. Некоторые женщины хотели взять кукол для своих детей, но когда до предметов дотрагивались, они взрывались. Потом нам категорически было запрещено что-либо трогать, даже подходить. Усталость была нечеловеческая.

Через неделю после того, как мы приехали на окопы, меня поставили работать на кухне кухаркой. Мы втроем готовили на восемьсот человек. Спать приходилось еще меньше. Мы вставали в три часа ночи, шли к речке, чтобы из проруби напастаскать воды. В тех местах уже лежал снег, стояли морозы, было очень холодно. Наша кухня была под открытым небом, едва огорожена сеткой. Там стояли огромные кадушки с мерзлой капустой, помидорами, приходилось переворачивать бочки, рубать топором мерзлые продукты. Однажды у меня порвался сапог. Мы пошли по воду, нога соскользнула в прорубь, ледяная вода заполнила весь сапог. Вылив воду, я в мокром сапоге работала до конца дня. Отморозила себе ногу. Вся нога была черная, я не могла стать на нее. И меня отправили в военный госпиталь.

В госпитале мне сказали, что ногу надо ампутировать. Я долго плакала. Потом пришел пожилой доктор и, осмотрев внимательно ногу, успокоил меня. Он сказал, что сможет ее спасти. Ногу обезболили, срезали всю кожу до самого колена. Лечили очень долго – пока не появилась новая кожа и я не начала ходить.

Меня выписали в конце февраля 1942 года и отправили домой. Я с подругой пешком шла 18 суток до дома, пытаясь снова не заморозить ногу. По пути мы просились к людям переночевать. Кто-то нас даже кормил, кое-кто не пускал. Так мы добрались до дома. Все домашние плакали.

Когда я вернулась – увидела дома много овечьей шерсти. Все женщины из деревни обязаны были вязать или шить для фронта теплые вещи. К нам приходила родная тетя, она помогала нам вязать.

Однажды зимой мы с отцом на подводе поехали к тете в колхоз «Красный Октябрь» за соломой. Там недавно закончились бои. То, что мы увидели, до сих пор у меня стоит перед глазами. Все жители ходили по селу и собирали убитых русских и немецких солдат. В хате у тети лежало множество трупов. Я увидела у одного солдата красиво связанные перчатки. Мне хотелось снять их, чтобы посмотреть, как они связаны. Но я не смогла снять перчатку с мертвой руки. Мой отец увидел на одном убитом полевую сумку и снял ее. Потом отправил все документы по адресу, который был указан. Набрав соломы, мы поехали домой. Я шла пешком. Перед глазами стояли все эти мертвые солдаты. После этого я заболела на две недели.

Когда я выздоровела, в хутор приехали немцы на мотоциклах. Мама, недолго думая, сразу бросила в печку именной фотоальбом брата, чтобы немцы никого не расстреляли. Сестра просила маму, чтобы она этого не делала, но мама была непреклонна. Она сказала, что нам всем еще нужно жить и запретила кому-нибудь об этом говорить.

Боев у нас в хуторе не было, но мы слышали, как бомбили соседние хутора. Фашисты поселились у нас в доме. Мою маму – Лопатько Дарью Степановну – они под прицелом автомата заставляли готовить для них кушать. Немцы боялись, чтобы их не отравили, поэтому заставляли, чтобы она сразу ела приготовленную пищу. Один немец говорил, что у него тоже трое детей, давал маленьким сестрам шоколад.

Фашисты ходили по хутору, фотографировались с молодыми девушками. Один немец хотел сфотографироваться со мной. Я наотрез отказалась. Мама, боясь за меня, просила, чтобы я сфотографировалась. Но я сказала, что лучше пусть меня расстреляют, но фотографироваться с ними я не буду. Немец отстал от меня.

Немцы жили у нас недолго. Когда уходили, то подарили нам одеколон с хорошим устойчивым запахом. Этот одеколон у нас был еще долго после войны.

Начался 1943 год. Я уже работала чабаном. У наших соседей-калмыков была огромная собака. Летом она повернулась спиной к дому и начала выть сутками, не сходя с места. Старый калмык сказал, что беда не приходит одна. Собака была примерно полгода, нагоняя ужас на всех селян.

И вот в конце декабря приехали военные на машинах. Солдаты с автоматами окружили весь хутор, чтобы никто не мог выйти из него, и стали выгонять калмыков из их домов – кто в чем был. А в их домах мародерствовали и разбойничали.

Для калмыков главное богатство – скот. Они знают, как умны домашние животные и как привязаны к хозяевам. Как тоскливо, печально и жалобно мычали коровы, блеяли овцы, ржали лошади, плакали верблюды! От происходящего стало жутко и страшно, в жилах стыла кровь, можно сказать, волосы становились дыбом. За неделю до выселения собака соседей отказалась от еды, продолжая неистово выть. Когда соседей запихали в машины, собака перестала выть, а когда машины стали отъезжать, она сдохла со слезами на глазах. Другие животные бежали за своими хозяевами.

Наша швейная машинка в этот момент была у соседей. Мама долго упрашивала начальника солдат, чтобы ей позволили войти в дом к соседям, чтобы забрать машинку. Но потом все же он дал солдата, чтобы тот сопроводил маму и она забрала свою машинку. Калмыков выселили из хутора за несколько часов. Куда их отвезли, я не знаю...

Незадолго до Дня Победы в степи зацвели тюльпаны. Яркие, большие, разноцветные. Такой красоты не было четыре года. Тот же старый дедушка сказал мне: «Скоро закончится война. Снова наступит мир. Матушка-степь все знает. Попомни мои слова». Об окончании войны мы узнали от верхового – он прискакал на лошади и объявил о победе. Три дня все

не работали – радовались и плакали. С тех пор, как зацветают ароматные степные тюльпаны, я вспоминаю о пережитом и нашей победе».

АННА ЕГОРОВНА РУБАН (ТАРАНИК)

***Родилась 14 января 1937
года в хуторе Сухой
Пролетарского района
Ростовской области.***

«Когда началась война, у нас в хуторе зазвонил колокол, который созвал всех жителей к сельсовету. Здесь нам всем объявили, что «сегодня, 22 июня, началась война». Все плакали, многих мужчин сразу забирали на фронт. На следующий день моего отца – Рубан Егора Моисеевича 1911 года рождения – призвали в военкомат Ростова-на-Дону. 24 июня отец был отправлен из Ростова на фронт. А на следующий день все взрослые жители вышли копать оборонительные окопы вокруг нашего хутора.

Немцы, наступая на Сталинград, зашли в Сухой, пригнав с собой много пленных. В центре хутора они сделали лагерь для военнопленных. Сначала наших солдат заставили копать огромный ров. Когда ров был готов, немцы обнесли его колючей проволокой и загнали туда всех пленных. Ночью пленные солдаты стояли, им не разрешали даже присесть, по несколько дней их ничем не кормили. Три дня как из ведра лил дождь, и люди стояли в этом рву под проливным дождем, почти по колено в воде.

Немцы разъезжали по всему хутору на мотоциклах, заходили в каждый дом, смеялись над нами, забирали молодых девушек и отправляли их куда-то на машинах. А также забирали всех мужчин в возрасте от 14 до 70 лет – их заталкивали в ров. Наши женщины ночью подбирались к лагерю и бросали туда еду, поддерживая бедных солдат.

Так в этом лагере оказался и мой брат. Его друг предложил ему бежать. Но мой брат, боясь за то, что немцы могут расстрелять всю нашу семью, отказался от побега. Его другу удалось вылезти из рва и сбежать, он прожил долгую жизнь. Моего же брата, как и всех других пленных людей, через три дня расстреляли в этом рву, трупы слегка закидали землёй.

Немцы были в хуторе несколько недель, потом ушли на Ростов. Два дня, пока колонны шли через хутор, фашисты тщательно охраняли ров, чтобы жители не могли спасти расстрелянных раненых земляков, чтобы не могли похоронить мертвых. Земля двигалась, поднималась, как каша, ещё несколько дней. Стон раненых разносился по всему хутору. Было жутко все это слышать, волосы поднимались дыбом. У меня до сих пор перед глазами стоит эта жуткая картина. Я никогда не забуду: грязь, трупы, море крови и тот ужас, о котором никто не говорил, но мы все его чувствовали.

До прихода немцев в хутор у нас было четыре свиньи. Незадолго до их появления дедушка три свиньи зарезал. Выкопал яму в огороде и туда сложил мясо, перекладывая его соломой. Засыпал яму землей. А последнюю свиноматку намазал дегтем. Немцы, когда пришли, хотели забрать свинью.

Но дедушка сказал, что у нее чума, поэтому она намазана лекарством, но, видно, скоро сдохнет. Немцы испугались чумы и убежали из нашего двора. Так свинья осталась жива, а через месяц, когда ушли фашисты, она нам привела восемнадцать здоровых поросят. Чтобы немцы не забрали лошадь и корову, бабушка их прятала за хутором в балке. Но однажды немец увидел бабушку, забрал бричку и сам сел на нее. До самого хутора он гнал бричкой мою старенькую бабушку, потом гонял ее вокруг дома. Издевался, смеялся над ней.

Когда немцы отступали, то все жители хутора собрались в зернохранилище – там был большой подвал. В нем мы жили почти неделю, никуда не выходя. Все спали на соломе, прижимались друг к другу, пугаясь очередного взрыва, держали двери. Мы прижимались к маме, чтобы если умереть, то всем вместе. Когда мы жили в подвале, то только дедушка приносил нам ночью еду.

Покидая хутор, немцы специально взрывали сараи, зернохранилища, чтобы всех жителей оставить без продовольствия. Мы потом ели горелую пшеницу, чтобы как-то выжить. Дедушка в ступке толлок горелые зернышки, и из этого готовили нам кашу. Был страшный голод, приходилось кушать разную траву, степных сусликов. Особенно тяжело было зимой.

Об окончании войны мы узнали в тот же день. В центре висела тарелка, и по ней объявили, что закончилась война. Мы все, дети, бежали и обсыпались пылью, смеялись, плакали и обнимались. Каждый раз 9 Мая мы все собираемся семьей, покупаем торт, пьем чай, вспоминаем и плачем. 9 Мая для меня – самый светлый праздник!»

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ КОТЕЛЕВ

***Родился 19 декабря 1931 года в селе Курбаки
Краснопольского района Могилевской области
(Белоруссия).***

«Когда началась война, мне было 9 лет. Мой отец – Котелев Яков Зарович – работал с соседом на лесозаготовках. 22 июня к ним приехал посыльный с района, собрал всех жителей села и объявил о начале войны и мобилизации.

Отца забрали на фронт сразу на другой день. С мамой – Котелевой Анной Леонтьевной – нас осталось трое детей: я и две сестры – Таня и Тома. Отец не вернулся с войны – пропал без вести.

После начала войны через нашу деревню отступали отряды Красной Армии. Зрелище было удручающим. Примерно 50 красноармейцев с одним пулеметом, который везли на детской коляске. Все солдаты изможденные, голодные, оборванные, некоторые ранены, но не сломлены духом. Они обещали нам вернуться с победой. Наша односельчанка – Мешкова Анастасия Евсеевна – оставила двух раненых солдат, которые уже не могли идти дальше с отступающими. Она их лечила, как могла. Одного вылечила, и он ушел в лес к партизанам. Второй еще оставался у нее дома, она продолжала его лечить.

Я хорошо помню 25 августа 1941 года – именно в этот день в нашу деревню пришли немцы. Они шли через всё село, выглядели очень браво, почти у всех были закатаны рукава на военной форме, у всех на шее висели автоматы. Было много военной техники: танки, пулеметы, мотоциклы. Так началась немецкая оккупация, которая продлилась до сентября 1943 года.

Когда немцы вошли в село, то сразу собрали всех жителей и поставили полицаев из жителей деревни, которые добровольно пожелали служить фашистам. Одним из полицаев стал родной племянник Мешковой Анастасии Евсеевны. Перед всеми жителями он выдал свою родную тётю и раненого солдата, которого она лечила. Немцы их обоих расстреляли на наших глазах – хотели запугать, чтобы никто не помогал нашим солдатам.

В 1942 году рядом с селом появился партизанский отряд, и немцы не были очень жестоки, потому что боялись парти-

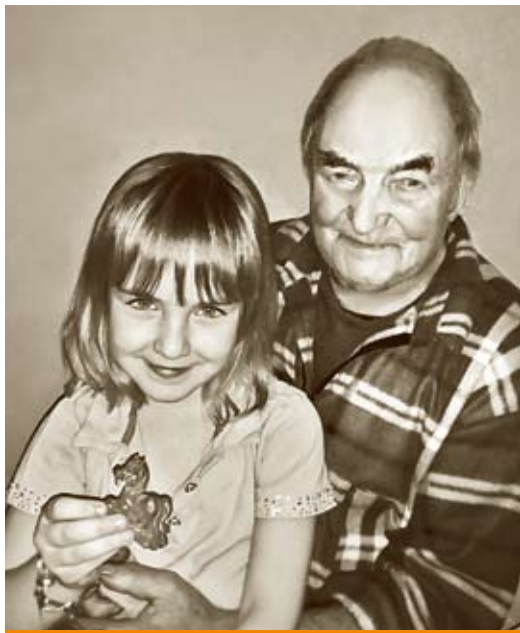
зан. Нам, детям, не разрешено было свободно играть на улице, полицаи также следили, чтобы никто не ходил в лес. В это время в Краснопольском районе расстреляли очень много людей еврейской национальности.

В 1943 году наши начали наступать, и немцы вынуждены были уйти из села. На рассвете 30 сентября 1943 года они начали поджигать дома вместе с людьми. Кто не успел выскочить и убежать – сгорел вместе с домами. Сожгли две улицы – примерно 300 домов. Мы остались живы, можно сказать, случайно. Наш дом стоял в начале улицы, недалеко от леса. Его немцы подожгли первым, и карательный отряд продолжил поджигать дома дальше. Все дома были деревянные, горели очень быстро. Наша мама схватила нас всех, и мы побежали в лес, спрятались на болоте, очень долго наблюдая за огнем пожарища. В село мы вернулись лишь после того, как ушли немцы. Жить было негде, и мы с мамой пошли за 7 километров к бабушке в поселок Малиновка, который был уже освобожден.

Война продолжалась, а мы начали мирную жизнь. Все дети, невзирая на возраст, работали на полях наравне со взрослыми: копали картошку, ходили за плугом, то есть пахали. В плуг впрягались шесть женщин, а мы, мальчишки, помогали им тянуть плуг.

Об окончании войны мы узнали от посыльного из района, который приехал к нам на лошади. Мы все плакали, радовались, что остались живы.

После войны в селе был образован колхоз. Все дети стали колхозниками. На поле на тачках возили навоз, сажали картофель, бороновали землю лошадьми, косили косами сено, делали скирды.

В своем селе я прожил до 1952 года, выучился на тракториста, работал на гусеничном тракторе ДТ-54. С февраля 1952 года проживаю в Пролетарском районе Ростовской области, в хуторе Привольный. Работал комбайнером, трактористом, шофером. Имею награды: юбилейную медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», грамоту за личный вклад в развитие сельского хозяйства от администрации Пролетарского района в 2014 году».

ВАЛЕНТИНА ПОТАПОВНА ТКАЧЕВА (ЦАРЬКО)

Родилась 15 июня 1925 года в станице Пролетарской Ростовской области.

(Из воспоминаний дочери О. М. Мендель)

Валентина по-особому относилась к своей малой родине, очень любила степь, слово «Родина» всегда писала с заглавной буквы – это, наверное, настоящий, идущий от сердца патриотизм.

В июне 1941 года Валя окончила семилетку, и пришлось ей прервать обучение – Германия вероломно напала на страну, началась Великая Отечественная война.

Отец, Потап Васильевич, ушел добровольно на фронт, воевал в легендарном 5-м Донском корпусе, в атаку ходил на немцев с шашкой. В 1944 году его комиссовали по ранению и контузии.

Сначала Валя работала в родном колхозе, вместе с другими детьми, наравне со взрослыми, выращивала пшеницу для Красной Армии, которая приравнивалась к стратегической продукции. Старшие дети вместе с родителями ходили рыть окопы.

Когда в доме закончились последние запасы муки и продуктов, стали печь пресные, но такие вкусные лепешки из растертой лебеды, добавляя в них любые добытые семена. Мать Вали отдавала все до кусочка детям и вскорости начала пухнуть от голода. Выжить помогла степь: меньшие братья додумались «выливать» из нор сусликов, жарили мясо, топили жир. Поднялась на ноги мать, в степи собирала травы, су-

шила их и заваривала чай.

В июне 1942 года район был оккупирован немцами. В доме Ткачевых поселили офицера – понравился ему ухоженный вид землянки. Детей он никогда не затрагивал, бабушка готовила ему еду, а остатки доедали дети. По воспоминаниям Валентины Потаповны, в колхозе «Сталинский путь» не расстреляли ни одного человека,

никого не угнали насильно в Германию, а ведь это была бывшая коммуна. А все потому, что хуторской староста откупился от разместившегося немецкого гарнизона огромным стадом коров и овец, которых угнали немцы на запад. После оккупации староста побоялся остаться в родном хуторе, ушел вслед за немецкими обозами, хотя спас он от немецкой немилости целый колхоз. Вспоминая то время, Валентина Потаповна говорила: «Было тяжело, но... что делать, надо жить и выстоять, а для этого пришлось людям собраться с силами, иметь терпение, а главное – не быть безразличными...»

После освобождения Пролетарского района и полного разгрома гитлеровцев под Сталинградом семнадцатилетняя Валя 2 мая 1943 года добровольно вступила в ряды Советской Армии. Она так говорила о своем поступке: «Это было не просто легкомысленное решение, нет, ведь на нашем пути уже были испытания голодом, страхом, потрясениями, но люди гибли за нас, а разве я могла оставаться в стороне?!»

Группу девушек провожал на фронт сам военком. На вокзале играл духовой оркестр, гармоника, и помимо танцев до упада повсюду был плач – горький, горестный. Сначала служили девчата в 34-м автополку. В нем прошли курсы шоферов, через полгода в карманы гимнастеров положили новые удостоверения военных водителей и отправились на Кавказ.

Под г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ) находился автопарк, машины которого предназначались для фронта. Валентина вместе со своими подругами перегоняла по Военно-

Грузинской дороге грузовые машины «студебекеры», которые прислала Советскому Союзу Америка после открытия второго фронта. Дорога была опасной: с гор спускались диверсионные группы (немцы и местные жители, которые не были депортированы) и нападали на колонны машин, управляемые девушками. Многие тогда погибли в горах – были зарезаны и сброшены в пропасть. Последнюю машину Валентина получила для себя и была направлена в 67-й автополк 24-й бригады на 4-й Украинский фронт.

На передовые позиции она подвозила снаряды, боеприпасы, продукты, медикаменты, а назад грузила и увозила раненых и убитых бойцов. Очень страшно было при минометном обстреле и артобстреле. Вести машину было затруднительно, так как всюду было бездорожье или заболоченные места.

Навсегда запомнились дни штурма Сиваша в ноябре 1943 года. После того как солдаты 51-й армии по колено, а то и по пояс в ледяной воде этого Гнилого моря перешли на другую сторону залива и штурмом взяли Перекоп, был построен примитивный мост. По нему девушки повели свои «студебекеры», обеспечивая Красную Армию всем необходимым. А потом слегла Валя от малярийной горячки. Медсанбат вспоминался смутно, так как долгое время находилась она в бредовом состоянии. Но молодой организм победил, и снова вошла она в строй, отправилась на передовую.

Однажды получила в бою пулевое ранение в руку, и перевели Валентину на легкий труд – из медсанбата в прачечный отряд, в котором девчата-военнослужащие обстирывали солдат фронта. В огромных палатках стояли котлы, в которых варили нижнее белье и гимнастерки, размещались корыта, в которых вручную, стирая руки до крови, молоденькие девчата стирали белье. А потом лезвием бритвы соскребали они с воротов гимнастерок окопных вшей, зашивали и латали вещи солдат. Дрова рубили сами, воду носили из близлежащего водоема, зимой кололи лед и таяли его в котлах. Спасаясь от жары и пара, раздевались девчонки догола, пели песни и работали, не обращая внимания на свой вид. После такого «легкого» труда Валентина села в «студебекер» с удовольствием.

Тяжкое впечатление осталось от сражения за г. Кенигсберг, который был городом-крепостью Восточной Пруссии. Дважды пришлось брать этот город советским войскам. По-

пала Валентина после сражения в бывший немецкий госпиталь – от бесконечного промерзания под машиной начался у нее фурункулез по всему телу. Лечили ее по последним методикам того времени: сухой прогрев в белоснежной кафельной комнате, после чего нарывы прорывались сами, медсестры лишь обрабатывали гнойные раны и кололи пенициллин.

Однажды попала она вместе со своими однополчанами в окружение, вывел их отряд разведчиков под командованием старшего лейтенанта Николая Устименко. Случилась у Вали с ним первая любовь, но жили все тогда по законам военного времени. У каждого были разные дороги, каждый подчинялся приказам, потому что был солдатом страны. Развела их судьба, но договорились они встретиться после Победы, и ведь встретились.

Долгий путь расстоянием в два года одолела Валя, насмотрелась на боль и смерть русских людей. Всегда считала, что легко отделалась она от войны.

День Победы гвардии рядовая Валентина Ткачева встретила в г. Нойкурэн (ныне г. Пионерский), до 1946 года служила официанткой в Доме офицеров в г. Раушен (ныне г. Светлогорск).

Награждена Валентина Потаповна Ткачева (Царько) боевыми наградами – «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», а уже после окончания войны – орденом Отечественной войны 2-й степени, юбилейными медалями, в том числе медалью Жукова.

Кроме подвига военного Валентина Потаповна совершила не менее важный поступок – гражданский. Она родила и воспитала шестерых детей. Правительство СССР вручило ей медаль 2-й степени «Мать-героиня». Так гвардии рядовая стала матерью-героиней.

Девчата-хуторянки

(Из воспоминаний Валентины Потаповны Ткачевой
(Царько))

После полного разгрома гитлеровцев под Сталинградом и освобождения Пролетарского района девчата-хуторянки решили добровольно уйти на фронт, следом за своими отцами. Первыми ушли в ряды Красной Армии 25 апреля 1943 года:

ПРАСКОВЬЯ АЛЕКСЕЕВНА ПАРАСОЦКАЯ (МАКСИМЕНКО)

*Родилась в 1924 году,
находилась в войсках
1080 ЗАП ПВО.
Победу встретила
в Венгрии, в Будапеште,
демобилована
в 1945 году.*

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА ШАПОВАЛОВА (ГОРНУШКО) (справа)

*Родилась в 1925 году.
Воевала в отдельной
эксплуатационной
67-й роте. Дошла до
Одера, г. Ратибор-
Зюд. Демобилизована
в г. Сталиногорске
Московской области.*

ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВНА ШЕВЦОВА

Родилась в 1924 году. Была зенитчицей-дальномерщицей. При взятии Ростова-на-Дону прикрывала переправу от воздушных налетов. Победу встретила в Венгрии, в Будапеште. Демобилизована 25 мая 1945 года.

НИНА СЕМЕНОВНА ЮНОШЕВА

Была связисткой, дошла до Германии. Демобилизована 5 июня 1945 года.

КЛАВДИЯ ДАНИЛОВНА БЕРЕЗОВСКАЯ

Служила регулировщицей, планировала дорожное движение при перемещении фронтов. Из Германии была переброслена на восток – на войну с Японией. В августе 1945 года погибла.

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА БАРАННИКОВА

Родилась в 1925 году. Воевала в службе связи. Победу встретила в Венгрии. Демобилизована 20 мая 1945 года. Умерла в Грозненской области, станции Слепцовская.

2 мая 1943 года вторая группа девушек-хуторянок добровольно вступила в ряды Красной Армии. Они закончили в г. Орджоникидзе (Владикавказ) обучение в 34-м учебном автополку. Воевали в 67-м автополку 24-й бригады 2-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта. После взятия Севастополя были переброшены на 3-й Белорусский фронт.

НИНА ГЕРАСИМОВНА ЛЫСЕНКО

*Родилась в 1924 году.
Демобилизована 10 июня
1945 года.*

МАРИЯ ГЕОРГИЕВНА БОНДАРЕНКО (МГЛАУРОВА)

*Демобилизована в январе
1945 года.*

ЕВДОКИЯ КАРПОВНА СВЕТЛИЧНАЯ

*Родилась в 1926 году. Победу
встретила в Восточной
Пруссии, в г. Нойкурен.*

ЕВДОКИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПОНОМАРЕВА

*Родилась в 1924 году.
Дошла до Германии.
Демобилизована 10 июня
1945 года.*

ЗИНАИДА ПЕТРОВНА ЛЕСКИНА (ЗИМОВЕЦ)

*Родилась в 1926 году.
После Севастопольской
перегруппировки переброшена
в 5-й отдел 3-го Управления
Белорусского фронта.
Демобилизована в декабре
1944 года в Восточной Пруссии.*

ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА МЕДВЕДЕВА

Родилась в 1923 году.

*Отшумел юбилей, отгремели парады,
Светлый праздник отмечен достойно вполне,
Но и после торжеств забывать нам не надо
Тех людей, что добыли победу в войне.*

*Ветеранов уносят болезни и годы –
Их осталось в живых очень мало сейчас;
Помнить вечно их подвиги нужно народу,
Ведь от рабства и смерти спасли они нас!*

*Пусть на солнце блестят ордена и медали
На груди ветеранов великой войны –
Эти люди все силы Отчизне отдали,
Отстояли в сраженьях свободу страны!*

*Отшумел юбилей. Отгремели парады,
Но мы все не должны забывать ни на миг:
Ветеранам войны будет лучшей наградой
Каждодневная наша забота о них!*

Михаил Крюков

*Ветные память
и слава защитникам
Родины!*

